

ВТОРАЯ МИРОВАЯ

ВОЙНА

МИЛТОН ШУЛЬМАН

ПОРАЖЕНИЕ НА ЗАПАДЕ

разгром гитлеровских войск
на западном фронте

Милтон Шульман
Поражение на западе. Разгром
гитлеровских войск на Западном фронте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619055

М. Шульман. Поражение на западе. Разгром гитлеровских войск на Западном фронте:

Центрполиграф; Москва; 2004

ISBN 5-9524-1148-7

Аннотация

В своей книге Милтон Шульман дает возможность посмотреть на события Второй мировой войны глазами врага. Анализирует причины побед и поражений германской армии от падения Франции до битвы за Берлин. На основе множества документов изучает военные ошибки Германии, а также роль Гитлера и его генерального штаба во взлете и падении Третьего рейха.

Содержание

Введение	5
Предисловие	7
КНИГА ПЕРВАЯ	10
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Часть вторая	24
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Часть третья	48
Глава 9	48
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Милтон Шульман

Поражение на западе.

Разгром гитлеровских

войск на Западном фронте

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Моей матери посвящается

Введение

Перед историками будущего открываются беспрецедентные возможности. В их распоряжении окажутся не только все союзнические документы Второй мировой войны, но и политические и военные архивы Германии, попавшие в наши руки. Однако предмет изучения столь обширен, что пройдут долгие годы, прежде чем читающей публике будут представлены основательные труды. Но ведь мир не стоит на месте, а потому, пока еще не слишком поздно, важно осветить события последних лет, дабы извлечь из них нужные уроки. Эта книга является примером именно такого подхода. С поразительной ясностью в ней представлено поражение Германии на западе глазами побежденных; в ней исследуются причины поражения; она проливает новый свет на Гитлера, немецкий характер, силу и слабости вермахта. Не появляется сомнений в правдивости возникающей перед нами картины. Последующие исследования могут уточнить детали, но основные факты и сделанные из них выводы, скорее всего, останутся неопровержимыми.

Майор Шульман был офицером разведки канадской армии, и его должность предоставляла ему потрясающие возможности для сбора материала к этой книге. В его обязанности входило детальное изучение немецкой армии перед днем «Д», днем высадки союзных войск в Европе 6 июня 1944 года. Он лично участвовал в военных операциях во Франции, Бельгии, Голландии и Германии. Более того, ему пришлось допрашивать многих командующих немецкими армиями на Западном фронте, включая фон Рундштедта, Зеппа Дитриха и Штудента. Майор Шульман прекрасно воспользовался предоставленными ему возможностями, и в результате мы имеем увлекательное изложение событий с точки зрения «другой стороны».

Те из нас, кто был тесно связан с военным и политическим руководством союзников, часто размышляли над поразительными ошибками немцев. Почему немцы не помешали британским экспедиционным силам эвакуироваться из Дюнкерка? Почему враг не попытался захватить Мальту, ключ к Средиземноморью и постоянный источник неприятностей для Роммеля, не позволивший ему воспользоваться плодами его побед? Почему германские армии на различных фронтах никогда не прибегали к стратегическим отступлениям? Почему столько средств было выброшено на ветер в Тунисе? Мы задавали себе эти и множество других подобных вопросов. Майор Шульман дает ответы на некоторые из них; на другие мы можем ответить сами, сделав выводы из собранных им фактов. По мнению Шульмана, именно к дрожащим ногам Адольфа Гитлера мы должны положить похоронный венок Германии. Союз Гитлера, дисциплины и всеобщего неведения сделал напрасными все жертвы вермахта. Однако предстоит ответить на главный вопрос: каким образом один человек смог полностью подчинить себе Германию? Ведь даже когда стало ясно, что он ведет страну к гибели, отдавая невыполнимые приказы войскам, сражающимся в сотнях миль от него, не нашлось ни одной силы, способной на это. Объяснение заключается в той степени деградации, до которой при диктаторском режиме может докатиться нация, объединенная жестокой дисциплиной и привыкшая к господству военных. Германия никогда не знала демократического правления. Немцы на протяжении всей своей истории с готовностью откликались на призыв к дисциплине, самопожертвованию и войне; всегда диктаторы с легкостью набрасывали милитаристские цепи на послушный и патриотичный народ фатерланда. Многие годы немцы с радостью признавали власть прусской военной касты. Эта власть не пошатнулась даже после печальных для Германии последствий Первой мировой войны. Благодаря культивировавшемуся мифу о «кинжале, воткнутом в спину», немцы поверили, что их армия не потерпела поражение. Рейхсвер, знавший правду и надеявшийся, что Гитлер вернет ему воинскую славу, помог диктатору прийти к власти. Однако дисциплинированность и неведе-

ние не позволили военному командованию ни противостоять глупостям Гитлера, ни свергнуть его. Сейчас существует реальная опасность создания нового мифа с целью переложить вину за поражение с немецкого Генерального штаба на кого угодно. Место «кинжала в спину» может занять «вмешательство Гитлера». Исследование майора Шульмана ясно показывает, что, хотя интуиция Гитлера была главной причиной поражения Германии, самому вермахту были присущи роковые слабости, которые привели его к полному разгрому как на западе, так и на востоке.

Возможно, будущим поколениям немцев снова внушат, что вермахт является воплощением всего самого славного в истории Германии, а потому жизненно важно довести правду о его безусловном поражении и других отвратительных фактах нацистского правления до сведения всего человечества, в особенности до немецкого народа. Безусловная заслуга майора Шульмана состоит в том, что он столь ярко освещает истинные события.

Главный урок, который нам необходимо извлечь из Второй мировой войны: Германия должна оставаться разоруженной и демилитаризованной, больше не способной стать добычей любого, кто предложит за власть наибольшую цену. Влияние милитаризма, укоренившееся за много поколений, и распущенность последних двадцати лет истребить будет нелегко. Нельзя терять бдительность. Особенно важно помнить об этом сейчас, когда мы видим, как быстро растет естественное сочувствие к страданиям немецкого народа. Мы не имеем права позволить немцам извлечь выгоду из этого сочувствия и воссоздать безжалостную военную машину, которая едва не завоевала господство над Европой. В другой раз может не найтись Гитлера с его стратегическими ошибками, а Генеральный штаб искоренит свои слабости. И тогда грозная сила нации солдат станет роковой для цивилизации.

Генерал-майор сэр *Йен Джейкоб*,
кавалер ордена Британской империи 2-й степени
и ордена Бани 3-й степени

Предисловие

Изложение истории победы союзников во Второй мировой войне – задача нелегкая, но относительно ясная. Тщательно сохранены документы, написаны официальные отчеты, участники событий готовы поделиться своими воспоминаниями. Исторiku или репортеру остается лишь покопаться в архивах, найти важные факты и представить свою версию событий. К сожалению, написать историю поражения Германии во Второй мировой войне так скоро после ее окончания несколько сложнее. Многие документы уничтожены, потеряны или спрятаны. Непосредственные участники событий погибли, исчезли или находятся в лагерях для военнопленных. От них пока не приходится ждать официальных отчетов, автобиографий или исторических публикаций. По этой причине все, что написано о вермахте менее чем через два года после его поражения, неизбежно является неполным. Многие еще предстоит узнать от оставшихся в живых немцев или извлечь из гор документов, ожидающих перевода, классификации и анализа. Пройдет немало лет, прежде чем удастся всесторонне осветить роль Германии в последней войне.

Теперь, когда я некоторым образом принес свои извинения за то, чего эта книга не содержит, позвольте рассказать о том, что вы найдете в ней. Задумывая «Поражение на западе», я ставил перед собой три цели: изложить историю поражения немецкого вермахта на западе, выделить причины, которые привели к этому поражению; показать, как люди, высокопоставленные и простые, переживают свое поражение. Кроме этих честолюбивых замыслов, на окончательный облик книги серьезно повлияло мое желание сделать ее доступной для читателей, чей военный словарный запас сложился в результате чтения одних газет.

Каким образом я подступился к выполнению разносторонней задачи, видно даже из беглого просмотра оглавления. Первый раздел этой книги касается главным образом исследования причин поражения вермахта прослеживанием истории немецкого милитаризма от Версаля до Сталинграда. Второй, самый большой раздел – детальный отчет о сражениях на западе от союзного вторжения в Нормандии до немецкой капитуляции в Реймсе. В этот раздел я включил письма и дневники людей, пытавшихся запечатлеть страдания, разочарования и отчаяние современной армии на грани поражения.

Для непрофессионалов военного дела следует дать некоторые пояснения относительно моих источников. Как офицер разведки, служивший в штабе 1-й канадской армии, я должен был читать и сопоставлять разведдонесения формирований союзников, находившихся в Северо-Западной Европе, оценивать по ним боеспособность и местонахождение вражеских соединений, противостоявших канадской армии. Большая часть немецких документов, цитируемых в моей книге, взята именно из этого источника.

После капитуляции немецких вооруженных сил мне было поручено допросить высших немецких офицеров, сражавшихся в Германии и Франции, с целью выяснения их версии военных действий на западе. Эта информация должна была использоваться для дополнения официального исторического отчета об участии Канады во Второй мировой войне. Предвосхищая любые сомнения в достоверности заявлений, сделанных пленными вражескими офицерами, я хотел бы отметить, что включил в эту книгу только те утверждения, которые, по моему мнению, не противоречили доступным документальным свидетельствам и исследованиям произошедших событий.

Побежденные обычно стараются оправдать свои ошибки, переложив вину на кого-то другого, немецкие генералы не представляли исключения из этого правила. Тем не менее, у меня были возможности перепроверить большую часть их утверждений, допрашивая других немецких офицеров и изучая документы. По правде сказать, большинству высших офицеров вермахта не терпелось порассказать о своей военной карьере. Думаю, были две основные

причины этого охотного сотрудничества. Во-первых, они стремились объяснить следующим поколениям свою особую роль в проигранной войне; понимали, как нескоро немецкие историки смогут услышать их рассказы; считали, что союзническая версия их военных судеб лучше, чем никакая. Вторая причина, несомненно, заключалась в том, что им представлялся случай развеять скуку, поговорить с кем-то, кроме постоянных обитателей лагерей для военнопленных.

Я думаю, что все люди, с которыми я говорил, были достаточно правдивы. Они понимали, что их собеседнику достаточно легко проверить большинство сообщаемых ими фактов, и ложь вряд ли принесет им пользу. Поэтому они рассказывали свои истории так, как их видели, иногда приукрашивая факты, чтобы предстать в более выгодном свете. Если факты казались им дискредитирующими, генералы просто воздерживались от обсуждения. Если истина искажалась, то скорее путем умолчания, чем лжи.

На этих страницах я постоянно стремился строго следовать законам литературного жанра, столь привлекательного как для серьезных исследователей, так и для широкого круга читателей. По возможности я освободил текст от подробных перечислений войсковых соединений и технических проблем, неинтересных обычным читателям. Однако интересующимися деталями военной истории предлагается ряд ссылок и примечаний.

Безрассудство использования войны в качестве инструмента разрешения межнациональных конфликтов признается всеми разумными людьми. Нецелесообразность и бесплодность войн глубже всего осознается не победителями, а побежденными. Пожалуй, никто в мире не поклонялся богу войны Марсу так ревностно, как офицеры немецкого вермахта. Их пример показывает, как дисциплинированное военное мышление порождает необузданное честолюбие и приводит к страшному, но логическому концу.

Необходимо осознать, какими на самом деле жалкими и незначительными фигурами были люди в парадных мундирах, напыщенно и победно выступавшие перед человечеством. Это особенно важно потому, что сегодня мы слышим со всех сторон людей, узколобых и самодовольных, которые оправдывают использование силы при разрешении всех социальных и политических проблем. Став однажды победителями, они убеждены, что побеждать будут всегда. Если моральные доводы неспособны обуздать их самомнение, возможно, это сделает отрезвляющая перспектива поражения. В каждой войне таится риск поражения, о чем иногда забывают те, кто бойко рассуждает о новой войне. А если кто-то еще не понимает до конца, что означает поражение в войне XX века, руины немецких городов и страдания немецкого народа послужат ему наглядным уроком.

Этот урок станет еще более впечатляющим, когда мы осознаем, что катастрофа Третьего рейха во Второй мировой войне – ничтожная часть страданий и разрушений, которые выпадут на долю победителей и побежденных в Третьей мировой войне.

Объяснение такой страшной катастрофы, как Вторая мировая война, в момент, когда даже воздух пронизан ненавистью и гневом, неизбежно отличается от хладнокровной оценки спустя двадцать лет, отделяющих нас от тех событий.

Необходимо отметить, что с тех пор, как в мае 1946 года я начал писать «Поражение на западе», были опубликованы тысячи трудов об описанных мной сражениях. За два прошедших десятилетия множество генералов, адмиралов, дипломатов, историков и журналистов представили собственные версии Второй мировой войны, а потому не остается сомнений в том, что она стала самым тщательно описанным, проанализированным и задокументированным военным событием в истории человечества. Но даже теперь, несмотря на горы свидетельств в истории этой войны, особенно в том, что касается первых месяцев советско-германского конфликта, остаются значительные пробелы.

Приступая к переработке «Поражения на западе» в свете этой массы новой информации, я с огромным удовлетворением обнаружил, что в общих чертах история поражения

вермахта действительно была такой, какой я представлял ее сразу же после окончания Второй мировой войны. Мои главные выводы о причинах поражения Германии (может быть, слишком общие) не потеряли своей ценности и не были дискредитированы ни одним свидетельством из тех, что я сумел найти позднее.

Несомненно, за двадцать последних лет новые факты, детали и оценки представили в новом свете некоторые аспекты Второй мировой войны. Эта информация главным образом касается второстепенных для данной книги деталей разгрома вермахта на территории Франции, Нидерландов, Германии в период между вторжением союзников в Нормандию и безоговорочной капитуляцией Третьего рейха. Центральная тема, изложенная достаточно подробно, практически не нуждается в исправлениях, поэтому я счел возможным оставить ее в первоначальном виде, за исключением незначительных изменений и некоторых примечаний.

Я переписал главы о вермахте в период Веймарской республики, заговоре 20 июля и итоговых оценках. Что касается сражения при Дюнкерке, планируемого немцами вторжения в Британию в 1940 году и последних дней Гитлера, я пытался провести читателя по своим стопам к тем книгам, которые наиболее достоверно освещают эти вопросы.

Поскольку книга «Поражение на западе» в большой степени основана на устных свидетельствах немецких генералов, допрошенных мной и моим коллегой подполковником Лесли Чейтером, она содержит уникальные первоисточники, а именно личные мнения фельдмаршала фон Рундштедта, генерала Блюментрита, генерал-полковника Дитриха и генерала-полковника Штудента всего через несколько месяцев после разгрома Германии. Иногда их версии событий противоречат документам; иногда они изменяли свои истории после освобождения из лагерей для военнопленных, где мы с ними беседовали; иногда они считали более удобным забыть некоторые факты и вспомнить другие. Однако изложенные в данной книге истории они рассказывали в 1945 году, когда еще не успели оправиться от постигшей их катастрофы и находились в подавленном состоянии. Я постарался сохранить их рассказы в подлинном виде.

М. III.

КНИГА ПЕРВАЯ

Путь к поражению

Часть первая

ПРИЧИНЫ

Глава 1

ВОЙНЫ ВЕДУТСЯ ЛЮДЬМИ

Это история поражения, история о людях, которые сражались и были разгромлены. То есть это мрачная история. И как во всякой истории о побежденных, розовый туман славы не окутывает их деяния, как в сказаниях о победителях. Поражение влечет за собой предательство, трусость, жестокость, бессилие и смерть. Иногда, но не часто проявляются храбрость и вера. Обычно появляется истина. Победители могут позволить себе скрыть свои промахи; побежденные жаждут их объяснить.

В истории человечества редко случалось так, чтобы какая-то военная сила была так основательно разгромлена, как немецкий вермахт в войне 1939-1945 годов. Свидетельства этого разгрома сохранились в призывах, клятвах, приказах, дневниках, письмах, речах и признаниях побежденных. Именно из устных и письменных признаний немецких воинов, от рядовых до фельдмаршалов, возникает истинная картина военной катастрофы Третьего рейха. Эти свидетельства не столько раскрывают промахи и ошибки, явившиеся причиной поражения Германии, сколько проясняют реакцию современной военной силы на поражение. Чаще рассказывают о том, как люди воспринимают победу. Отношение к поражениям становится известным гораздо реже, поскольку поражение вовсе не столь героично и красочно. Цель нашей книги – исследование причин поражения Германии во Второй мировой войне, а также взгляд на поражение глазами побежденных.

Поражение требует большей физической и душевной стойкости, чем победа. Подобно тому как количество воздуха, помещающееся в воздушный шар, можно проверить, надувая его, пока он не лопнет, преданность и стойкость можно испытать, приложив достаточно серьезные усилия к их разрушению. Если принять наше утверждение за аксиому, то легче узнать истинную цену вермахта в условиях поражения, а не победы. Только при поражении можно увидеть, на что действительно способны люди, создавшие и составлявшие вермахт, на какие жертвы они могут пойти ради цели, за которую сражались.

Очевидно, что войны ведутся людьми. Неизбежный вывод о том, что войны и проигрываются людьми, общеизвестен, но о нем часто забывают. В наше время существует тенденция все военные достижения человечества приписывать машинам. Люди самых разных взглядов считают, что решающим фактором в победе союзников были самолеты, танки, линкоры и атомная бомба. Существует мнение, что, если любое государство получит в свое распоряжение достаточно самолетов, боевых кораблей или атомных бомб, оно непременно одержит победу в будущей войне. Однако история поражения Германии во Второй мировой войне решительно опровергает эти теории.

В течение войны Германия обладала достаточным количеством вооружения и все же потерпела поражение. Это мнение не раз высказывали ведущие военные руководители вермахта. Говоря о величайших военных ошибках Германии, каждый генерал предлагает свою

собственную версию. Одни говорят, что нельзя было выпускать британцев из Дюнкерка; другие сожалеют о том, что не вторглись в Англию в 1940 году; третьи считают фатальной ошибкой отказ от вторжения в Испанию и захвата Гибралтара, четвертые – нападение на СССР; пятые полагают, что, когда Роммель воевал в Эль-Аламейне, следовало продолжить наступление и захватить Суэцкий канал; шестые проклинают глупость, проявленную в Сталинграде; седьмые считают гибельной стратегией вермахта в Нормандии. В каждой из этих решающих фаз войны, кроме последней, у Германии было достаточно материальных ресурсов для победы над врагом или хотя бы для предотвращения собственного разгрома.

Так почему же не победила превалирующая мощь техники? Потому что людям, управлявшим ею, не хватило мужества или веры, воображения или умения одержать победу. Фундаментальный принцип войны состоит в том, что для победы в сражениях необходимо применять людей и вооружение в нужное время в нужном месте. Немецкие стратеги постоянно нарушали этот принцип. Почему же высшие руководители Германии совершали одну ошибку за другой до тех пор, пока победа стала недостижимой? Истинная причина поражения Германии во Второй мировой войне скорее кроется в ответе на этот вопрос, чем в количестве и качестве вооружения.

Причины падения рейха были военными и политическими. Нюрнбергский трибунал, рассмотрев улики и объявив приговор, внес огромную лепту в прояснение политических причин поражения Германии. Военные причины, вытекающие из политических, не были столь тщательно изучены, а потому остались относительно неясными. Исследования психологов, социологов и военных, несомненно, дадут ответы на поставленные вопросы, но чем мы можем помочь историкам и ученым будущего? Какие свидетельства имеются в нашем распоряжении сейчас? Сами солдаты вермахта. Именно их свидетельства интересны и важны.

Если войны ведутся людьми, то какими были люди, которые привели армии рейха к самому страшному в истории поражению? Какими были фундаментальные причины, заставившие немецких командующих действовать так, а не иначе на протяжении пяти военных лет? Почему группа профессиональных военных, по призванию занимавшихся военным делом и накопивших большой военный опыт, чем любая другая группа профессиональных военных, не сумела добиться победы, к которой часто была очень близка? Вероятно, к поражению привели по меньшей мере три слабости самого вермахта: Гитлер, дисциплина и невежество. Давайте обсудим их по очереди.

Глава 2

ГИТЛЕР

К началу Второй мировой войны в Германии сложилась удивительная ситуация – политический глава государства лично руководил из Берлина армейскими операциями на таких отдаленных друг от друга театрах военных действий, как Франция, Италия и СССР. В течение пяти лет, склоняясь над крупномасштабной картой, Гитлер принимал все важные военные решения. В этом заключались сила и слабость немецкого вермахта. Это приносило Германии поразительные победы, но это же явилось главным фактором окончательного поражения. Личные качества Адольфа Гитлера обеспечили вермахту успех; они же в гораздо большей степени послужили причиной поражения. С какой стороны ни посмотреть, роковую роль в разгроме Германии сыграл Адольф Гитлер.

Как стало возможным, чтобы человек, чья военная карьера закончилась на чине ефрейтора, командовал более чем тремя боевыми дивизиями? По какому наитию неквалифицированный фантазер принимал или отвергал советы фельдмаршалов? Ответ на эти вопросы дает история борьбы между национал-социализмом и немецкой армией. Как только

был распущен рейхстаг и фашистская диктатура стала политической реальностью, единственной организованной силой, еще способной оказать эффективное сопротивление национал-социализму, остался офицерский корпус. Гитлер преисполнился решимости обратить его в свою веру либо сломить. Отчасти ему удалось осуществить первый вариант и совершенно определенно – второй. Однако, подчинив себе немецкий Генеральный штаб, Адольф Гитлер закабал и ослабил единственную группу людей, способных защитить и спасти его. Победа национал-социализма над традиционной военной кастой предопределила судьбу Германии, ибо фюрер возомнил себя полководцем.

Вряд ли до начала войны Гитлер считал себя военным лидером, однако, добившись полного господства над рейхом, он был вынужден принимать политические решения с учетом важных военных вопросов. До февраля 1938 года мнение Генерального штаба еще принималось во внимание, поскольку противник был опасен. Однако после февральской отставки военного министра фельдмаршала фон Бломберга и главнокомандующего армией генерал-полковника фон Фрича Адольф Гитлер свел роль офицерского корпуса до одного из инструментов в деле построения национал-социалистской Германии. Одним махом вермахт был очищен от аристократических лидеров прусской армии, которые не переваривали неотесанного австрийца, каким они считали Гитлера не столько из-за его честлюбивых замыслов, сколько из-за грубых методов их воплощения.

Одной из первых серьезных военно-политических проблем Гитлера был судетский кризис 1938 года. Ряд высших офицеров опасался, что политика Гитлера по отношению к Чехословакии приведет к войне с Францией. Генерал-полковник Людвиг Бек, начальник Генерального штаба, вместе с несколькими другими офицерами составил доклад, в котором доказывал, что немецкие военные силы не смогут противостоять многочисленным французским армиям, и рекомендовал Гитлеру умерить агрессивность, дабы не довести дело до войны. Летом 1938 года Бек был уволен. Четырехсторонняя конференция в Мюнхене окончательно показала, что судетский вопрос не станет причиной глобальной войны, и Гитлер укрепился в своем мнении: офицерский корпус, оказывающий «неоправданное» противодействие, является реакционной группировкой, далеко не столь храброй и компетентной, как он сам.

Затем последовала Польша, где снова сплелись политическая и военная проблемы. Гитлер, полагавший, что Англия не вступит в войну из-за польского коридора, совершенно неправильно представлял себе политическую ситуацию. Однако его дальновидность в военной сфере снова поразила военных советников молниеносной победой над Польшей, когда Франция не причинила никакого беспокойства на западе. К тому времени Гитлер уже был готов полагаться в военных вопросах на собственную интуицию, хотя еще продолжал делать вид, что прислушивается к советам экспертов. Генеральный штаб оспаривал осуществимость нападения на Норвегию, и снова Гитлер доказал, что это возможно. Затем Гитлер настоял на вторжении в Нидерланды и Францию, причем внес изменения в план этой крупномасштабной операции. Высшие офицеры не скрывали возмущения, но после падения Франции им оставалось лишь качать головами, признавая правоту фюрера.

Все эти вопросы будут подробнее обсуждены в следующей главе, а здесь они упомянуты для того, чтобы дать представление об этапах упрочения господства Гитлера в военной сфере. Гитлер доказал свою блестящую способность распознавать достоинства военных теорий. Он признал новейшие военные теории генерал-полковника Гудериана, отстаивавшего решающую роль в войне бронетанковых войск, и преодолел отсталость Генерального штаба, сопротивлявшегося техническому перевооружению. Не обладая осмотрительностью и сдержанностью эксперта, он сумел оценить дерзкие планы Гудериана и довести их до успешного выполнения. Офицеры Генштаба начали признавать, что именно дерзость и стремительный натиск фюрера стоят за всеми стратегическими шагами того периода. Они даже

стали верить, что Гитлер обладает какой-то необъяснимой интуицией, которая позволяет ему верно угадывать, когда холодная логика фактов говорит о том, что он не прав. Хуже того, Гитлер сам поверил в это. В массовой пропагандистской кампании в прессе и на радио Гитлер провозглашался величайшим военным гением всех времен и народов. Это бурное восхваление убедило не только немецкое общество, но и самого Гитлера в том, что он новый Александр Македонский или Наполеон. С тех пор он всегда был прав. Во всех случаях, когда командующие предостерегали его против каких-то действий, он неизменно отвечал: «Вспомните Чехословакию! Вспомните Францию!»

С падением Франции военная карьера Гитлера достигла зенита. Следующие пять лет были скольжением вниз по наклонной плоскости. Гитлер совершал одну ошибку за другой, но, как проигрывающий игрок, продолжал отчаянно швырять кости в надежде на выигрышный номер. Выигрышный номер все не выпадал, однако Гитлер так и не поверил в то, что удача покинула его. Отказ от плана вторжения в Англию в 1940 году, объявление войны СССР, разгром под Сталинградом, инфантильная стратегия во Франции – все это единоличные решения фюрера. Зачастую он принимал их несмотря на энергичнейшее сопротивление непосредственного полевого командующего и вопреки военной логике.

По мере того как неудача следовала за неудачей, Гитлер становился более замкнутым и угрюмым. Повсюду ему мерещилось предательство, он стал полагаться только на собственное суждение даже в самых незначительных вопросах. Однажды, совершенно не представляя реальной ситуации, фюрер приказал сосредоточить бронетанковые части в одном из советских городов. В результате фантастическое количество танков скопилось в очень ограниченном секторе, приведя к хаосу. Когда Гитлер приказал предать командира корпуса военному трибуналу, ему напомнили, что он лично спланировал маневр. «Где вы прочитали об этом?» – налетел Гитлер на офицера, осмелившегося ему возразить. «В дневнике вооруженных сил» – последовал ответ. Казалось бы, вопрос исчерпан, однако в тот же день историческому отделу ставки было приказано в будущем не отмечать оперативные приказы Гитлера в дневнике вооруженных сил и даже косвенно не упоминать о его вмешательстве в военные операции. С того момента шесть стенографистов вели записи всех дискуссий, совещаний и распоряжений, а затем особым крупным шрифтом для дальнозоркого Гитлера печатался единственный экземпляр, который хранился в его личном сейфе. Записи разговоров в ставке часто помогали Гитлеру разбираться с непокорными генералами¹.

Начав с глобальных стратегических решений, Гитлер вскоре погряз в мелких тактических проблемах, затрагивающих относительно незначительные формирования и маловажные сектора. Он так сильно верил в собственную непогрешимость, что, если проваливалась такая операция, как захват Москвы, объяснял неудачу некомпетентностью и трусостью командующего операцией. Гитлеру редко приходило в голову, что, быть может, стратегический план был просто невыполним. В результате фюрер не только единолично принимал важные решения, но и старался гарантировать исполнение этих решений так, как он считал необходимым. К тому моменту, когда союзники подготовились к вторжению на континент, все старшие немецкие офицеры были скованы и запуганы ограничениями и угрозами из Берлина, поэтому инициатива могла проявиться лишь на самом низком уровне. В Нормандии централизованное вмешательство достигло такой огромной степени, что поступающие из Берлина директивы определяли не только части, задействованные в атаке, но и сектора, которые они должны были занять, и дороги, по которым они должны были продвигаться. Когда немцев отбросили к Рейну, Гитлер принял на себя командование всеми боевыми дей-

¹ Об этом инциденте рассказал подполковник исторического отдела ОКБ (Верховного главнокомандования вермахта. – *Примеч. пер.*), в чьи обязанности входило ведение дневника вооруженных сил. Сводка разведотдела 1-й канадской армии, 1 мая 1945 г.

ствиями на западе. 21 февраля 1945 года фельдмаршал фон Рундштедт издал следующую сверхсекретную директиву:

«Штаб Верховного командования.

Запад, G-3 N.595/45. 21 янв. 45.

Сверхсекретно

s/1 РУНДШТЕДТ

Нижеследующий приказ фюрера приводится дословно:

1. На командующих армиями, корпусами и дивизиями возлагается личная ответственность за поступление ко мне всех нижеперечисленных решений или намерений заблаговременно, чтобы я мог повлиять на них и издать при необходимости контрприказ, который своевременно достигнет передовых частей:

- а) любых решений, касающихся боевых действий,
- б) предполагаемой атаки соединения численностью более дивизии, не указанной в директивах штаба главного командования,
- в) любых наступательных действий на стабильном фронте, которые могут привлечь внимание врага к данному сектору, за исключением обычной патрульной деятельности,
- г) любого предполагаемого отступления,
- д) любого предполагаемого оставления позиции, укрепленного города или крепости.

2. Командующие армиями, корпусами и дивизиями, начальники штабов и все офицеры Генерального и других штабов несут передо мной личную ответственность за то, чтобы любой рапорт, адресованный лично мне или по другим каналам, не содержал ничего, кроме правды. В будущем я буду решительно карать любую попытку скрыть факты, умышленную или по халатности...

Адольф Гитлер».

Вот до чего дошел гордый немецкий офицерский корпус. Фельдмаршалы и генералы не могли передвинуть свои войска вперед или назад без разрешения презираемого ими ефрейтора. Никогда прежде с боевыми командирами не обращались так грубо и презрительно, никогда прежде их столь решительно не лишали власти. Таковой была цена, которую им пришлось заплатить за помощь в сокрушении Веймарской республики, за свои честолюбивые стремления к националистической воинственной Германии. В своем рвении к уничтожению демократии они породили дитя, обреченное на отцеубийство.

Интересно поразмышлять о том, что случилось бы, если бы политический глава демократического государства попытался вмешаться в дела военных лидеров или не стал бы считаться с их мнением. Предположим, Черчилль настоял бы на том, чтобы фельдмаршал Монтгомери атаковал Эль-Аламейн двумя месяцами ранее, чем командующий считал это целесообразным. Во-первых, фельдмаршал Алан Брук, начальник имперского Генерального штаба, скорее всего, обратился бы к Черчиллю от имени Монтгомери и заявил бы, что фельдмаршал лучше знает, когда наступать. Если бы это не помогло, на совещании комитета начальников штабов, где представлены главы всех армейских служб, Черчиллю предложили бы отступить. Тем временем кто-нибудь мог обратиться к Эттли, главе оппозиции, или другому члену кабинета военного времени (коалиционного правительства 1940-1945 гг., возглавляемого У. Черчиллем. – *Примеч. пер.*) с просьбой использовать свое влияние и убедить премьер-министра изменить решение. К тому моменту Черчилль, несомненно, убедился бы в своей неправоте и смирился бы; хотя вполне вероятно, для этого потребовались бы намеки

в прессе на разногласия в кабинете военного времени и неудобные вопросы в палате общин. Последовали бы пылкие и красноречивые опровержения, и операция проводилась бы по заранее намеченному плану.

Это предположение, разумеется, не означает, что политический глава демократического государства в принципе не может взять верх над военными лидерами. Черчиллю это часто удавалось, особенно в начальный период военных действий в пустыне под командованием фельдмаршала Уэйвелла. Однако доказано, что политические и военные лидеры союзников гораздо чаще шли на взаимные уступки, чем было бы возможно при диктаторском режиме. Поразительный пример успеха военного лидера в отстаивании собственного курса вопреки давлению политической оппозиции приводится в книге капитана Бутчера «Три года с Эйзенхауэром». Бутчер отмечает, что весь день 5 августа 1944 года премьер-министр Черчилль пытался убедить генерала Эйзенхауэра отменить запланированное вторжение во Францию. «Айк (прозвище Эйзенхауэра. – *Примеч. пер.*) сказал «нет», – пишет Бутчер, – и повторял свое «нет» целый день, используя все варианты отрицаний, имеющиеся в английском языке». Верховного главнокомандующего поддерживали адмиралы Рэмси и Теннант. В гитлеровской Германии за подобным сопротивлением фюреру последовала бы немедленная отставка.

Таков громоздкий и болезненный процесс демократии в действии, не столь впечатляющий и драматичный, как безрассудный взмах руки диктатора, заставляющий нацию беспрекословно подчиняться. Однако в демократическом процессе рождаются ограничения, не позволяющие одному человеку совершать ошибки, ввергающие государство в пучину катастрофы. Достоинство демократии в том, что решения, принимаемые в ходе свободной дискуссии, обычно разумны и взвешенны. Редко возникает необходимость менять решение, как происходит в тех случаях, когда решение основано лишь на интуиции. Правда, демократия зачастую медлительнее диктатуры, но в конечном счете она гораздо мудрее, с чем теперь соглашаются большинство немецких генералов.

Глава 3

ДИСЦИПЛИНА

Армии необходима дисциплина. С другой стороны, слишком жесткая дисциплина может ее удушить. В немецкой армии царил слишком жесткая дисциплина. Офицеры и рядовые слепо повиновались приказам начальства. Они не задавали вопросов даже тогда, когда растаяла вера в победу и логика подсказывала, что их усилия тщетны. Очень редко нижестоящие чины восставали против приказа или отказывались подчиняться командиру. Даже если действия в обход приказа представлялись единственным разумным выходом (особенно в конце войны, когда Гитлер полностью все контролировал), военные лидеры умудрялись формально в точности выполнять приказ. Подчинение власти так въелось в немцев, что офицер не мог сделать даже шаг в сторону, не обосновав свое поведение тем, что действовал хотя бы согласно духу, если не букве полученного приказа. Только убедив себя в том, что не нарушил приказ, он мог очистить свою совесть, а рассуждения о том, что он поступил человечно и спас жизни людей, были вторичными.

Именно благодаря жестокой дисциплине вермахт сражался так долго. Однако из-за той же самой дисциплины не было сделано ничего для того, чтобы сбросить силы, которые вели Германию к краху. Задолго до конца войны очень многие старшие офицеры осознали ее бессмысленность, но они стали так беспомощны и неспособны к противодействию политической власти, что протест самых лучших выразился в неумелом покушении на фюрера всего за девять месяцев до окончания войны.

Поскольку после Первой мировой войны по условиям Версальского договора численность немецкой армии сократилась до 100 тысяч человек, ее новые лидеры вознамерились уравновесить недостаток количества качеством. Они образовали маленький замкнутый круг избранных военных экспертов с собственным моральным и общественным кодексом. Лидер и вдохновитель этой группы генерал-полковник Ганс фон Зект свято верил в то, что эффективная армия должна быть полностью отделена от политики, философия профессиональных солдат не должна быть похожа на философию современного гражданского общества. Хотя армия была возрождена для защиты Веймарской республики, вскоре стало очевидно, что офицерский корпус совершенно не принимает принципов демократии, провозглашенных правительством. В реальности большая часть офицеров презирала эти принципы, считая их неэффективными и антинемецкими. Профессиональные офицеры стали более преданными армии, чем правительству, которому были обязаны служить. Когда Гитлер упразднил конституцию Веймарской республики, немецкий офицерский корпус не воспрепятствовал этому политическому убийству, чем выразил свое согласие. Военные верили, что увеличения численности армии и освобождения от унижительных оков Версаля гораздо легче добиться с Адольфом Гитлером, чем с демократическим рейхстагом. Одним словом, преданность военных Гитлеру была порождена честолюбием.

Для достижения подобной лояльности внутри офицерского корпуса была введена жесткая дисциплина, требовавшая только подчинение власти. Приказам начальства следовало подчиняться беспрекословно, к любому нарушению этой традиции относились с неодобрением. Строго была расписана не только профессиональная деятельность военных; их личная жизнь также подчинялась определенным правилам. Неукоснительное следование традициям и моральным принципам использовал Гитлер, подчиняя своей воле немецкий Генеральный штаб, и добился поразительных успехов.

Женитьба фельдмаршала фон Бломберга на женщине с сомнительной репутацией позволила Гитлеру избавиться одновременно от двух своих рьяных противников: фон Бломберга и фон Фрича. Не столь известен другой случай использования Гитлером офицерского кодекса чести: развод фельдмаршала фон Браухича. Существовало строгое правило: если причиной развода была супружеская неверность офицера, он изгонялся из офицерского корпуса. Поэтому, полюбив другую женщину, фон Браухич попросил жену представить необходимые основания для развода. Жена отказалась, и фон Браухич обратился со своей проблемой к Гитлеру. Фюрер посоветовал жене фон Браухича согласиться, к тому же уладил финансовую сторону сделки. В результате один из лидеров офицерского корпуса оказался в неоплатном долгу перед Гитлером, о чем тот не раз без колебаний напоминал ему.

Следование строгому кодексу общественного поведения требовалось также во время войны. Немецкий Генеральный штаб всегда стремился воспитывать офицеров по единому образу и подобию: они должны были беспрекословно подчиняться приказам. Даже в апреле 1943 года в приказе по офицерскому артиллерийскому училищу содержались следующие пункты о поведении кадетов в обществе:

«1. НАНЕСЕНИЕ ВИЗИТОВ.

Часы визитов: 11.30-13.00 по воскресеньям, 17.00-18.00 по будням. Ни в коем случае не позднее и никогда днем...

Входя в комнату, держать головной убор в левой руке. Садясь, класть головной убор...

Приход и уход: визит должен длиться около десяти минут.

Не смотреть на наручные часы. Не объяснять причин завершения визита. Открывая дверь при уходе, не поворачиваться спиной к обществу.

2. РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Вино: белое вино пить из высоких бокалов, красное — из низких.

Танцы: первый танец и кадрили всегда танцевать с соседкой по столу. Никогда не танцевать непрерывно с одной и той же дамой.

Цветы: разворачивать букет в холле. Никогда не дарить букет в обертке. Преподнося цветы, держать их стеблями вниз...

3. РАЗНОЕ.

На скачках офицер не должен приближаться к тотализатору...»

Успех этих методов в формировании в армии преданности и дисциплины не вызывает сомнений. Безликим, вышколенным офицерам так крепко вбили в головы мысль о всеисключительности власти, что они цепенели от одного присутствия высокого начальства. Жить значило повиноваться, и никаких других целей в жизни не существовало. Невозможно было даже помыслить о том, чтобы возразить верховному главнокомандующему Адольфу Гитлеру. В любом случае, даже если бы офицеры осмелились бросить ему вызов, то не знали бы, как это сделать: их не учили этому.

Поскольку офицерский корпус не мог составить оппозицию политической власти, остается вопрос, не могла ли подобная инициатива исходить от рядового состава. Русская революция 1917 года, хотя зародилась в гражданском обществе, продемонстрировала, что современные армии могут восстать против конституционной власти даже вопреки своим военным лидерам. Многие современные военные деятели были уверены в том, что безуспешная война повлечет за собой распад вооруженных сил Германии. Их мнение основывалось на исторических примерах Австрии в 1918 году и России в 1917 году. Однако справедливость требует отметить, что, хотя поражениям вермахта нет равных в современной истории, ни разу не возникло даже намека на мятеж рядового состава. И это несмотря на то, что солдат неумело вели к безнадёжной цели, они несли катастрофические потери и терпели невообразимые лишения. Вот результат союза прусской дисциплины и нацистской пропаганды. Немецкие солдаты не восстали вовсе не из-за своей преданности режиму. Они не восстали потому, что запугивались и одурманивались пропагандой интенсивно и непрерывно, совершенно потеряли способность к сопротивлению и возражениям. Дисциплина и неведение, а не преданность удерживали немецкого солдата на поле боя вплоть до мая 1945 года.

Мы должны признать, что немалая заслуга в этом принадлежит офицерскому корпусу. Готовые слепо повиноваться сами, офицеры требовали повиновения и от своих подчиненных. Со времен Фридриха Великого немцы привыкли бояться военную касту и уважать ее, поэтому неудивительно, что призванные на военную службу легко подчинялись дисциплине, культивировавшейся профессиональными военными. Философия абсолютного подчинения командиру укрепились с приходом национал-социализма и его принципа «фюрерства». Фетишизируя дисциплину, офицерский корпус подавил любое сопротивление, которое могло бы зародиться в солдатской среде при всеобщей мобилизации.

Каждый немецкий солдат должен был знать наизусть «Обязанности немецкого солдата», провозглашенные Гинденбургом 25 мая 1934 года и воспроизведенные без изменений в 1942 году. Приведем первые четыре абзаца этого наставления:

«1. Вермахт – боевой отряд немецкого народа. Он защищает германский рейх и фатерланд, народ, объединенный национал-социализмом, и его жизненное пространство. Основа силы вермахта в его славном прошлом, немецкой государственности, немецкой земле и немецком труде. Служба в вермахте – почетный долг немецкого народа.

2. Честь солдата – в безусловном подчинении собственной личности народу и фатерланду вплоть до самопожертвования.

3. Высшее достоинство солдата – воинская доблесть. Она требует стойкости и решимости. Трусость позорна, сомнения недостойны солдата.

4. Повиновение – фундамент вермахта, уверенность – фундамент повиновения».

Индивидуум – ничто, государство – все. Таковым было кредо национал-социализма и немецких вооруженных сил. Если повиновение – «фундамент вермахта», тогда дисциплина – средство построения этого фундамента. Офицерский корпус обеспечил укоренение в рядовом составе вермахта дисциплины, которую рьяно культивировал в собственном кругу. Даже когда неизбежность поражения стала очевидной, особое внимание уделялось военной форме и выправке. Например, во Франции в 1944 году полковник Гельниц издал приказ, который частично мы приведем здесь:

«Снова и снова я встречаю в департаменте Эр велосипедистов, которые, отдавая честь, не распрямляют ноги. Это противоречит уставу, если только велосипедист не движется вверх по склону».

А генерал-майор Конради, проезжая по Кривому Рогу, советскому городу, заставлял всех солдат, не отдавших ему честь или не по форме одетых, бежать за его автомобилем. Говорили, что за генеральской машиной всегда бежало от тридцати до сорока солдат. Через два-три километра Конради останавливался, записывал имена нарушителей дисциплины и отправлял всех под арест.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности. Для сравнения посмотрим, к чему привели бы аналогичные действия в демократической армии. В Англии пресса и общественность подняли невероятный шум, когда обнаружилось, что один из офицеров отдает команды своим солдатам криками, уместными для обращения с лошадьми. Пощечина американского генерала Паттона рядовому чуть не вынудила генерала Эйзенхауэра отправить своего самого талантливого командующего в отставку.

Разумеется, разница состоит в том, что англичане и американцы, готовые, если требуется, отдать жизни за свои идеалы, совершенно не готовы к унижению своего человеческого достоинства. Фашистская Германия создала идеальные условия для армии, основанной на дисциплине, ибо абсолютно исключалась опасность вмешательства возмущенного гражданского общества в армейскую систему. Национал-социализм требовал такого же неукоснительного повиновения, что и вермахт. Как только немецкий солдат привыкал инстинктивно повиноваться, уже не имело значения, кто именно отдавал приказы. Немецкий Генеральный штаб, как Франкенштейн, создал монстра дисциплины, который впоследствии помог уничтожить своего создателя. Генералам не оставалось ничего другого, кроме выполнения приказов фюрера, а солдаты, которых они создали по своему образу и подобию, были беспомощны, как и они. Не опасаясь сопротивления ни со стороны солдат, ни со стороны генералов немецких армий, австрийский ефрейтор мог иступленно играть в войну, абсолютно уверенный в том, что любые его приказы будут выполнены.

Глава 4 НЕВЕДЕНИЕ

Покушение на Гитлера 20 июля 1944 года показало, что даже прусская дисциплина не в состоянии подавить инакомыслие. Хотя активных участников заговора было относительно немного, Гитлеру явно не удалось добиться абсолютного повиновения от всего своего окружения. Удивительно не то, что мятеж имел место, а то, что немногие приняли в нем участие. Вряд ли какое-то другое современное правительство могло совершить так много ошибок и навлечь на себя лишь неудачную попытку убить вождя с помощью бомбы.

Если допустить, что любая, самая жесткая дисциплина в принципе нарушаема, тогда почему так мало генералов участвовало в заговоре 20 июля? Если, как генералы теперь уверяют, они близко к сердцу принимали судьбу своей страны, почему же они не выступили

против Гитлера, когда стало ясно, что он ведет Германию к катастрофе? Замышляя убить Гитлера всего за несколько месяцев до неминуемого поражения, они явно запоздали. Если от мятежа немецкого офицера удерживали дисциплина и верность присяге, то неведение скрепляло этот союз так прочно, что разрушить его было почти невозможно. Редко в истории современных войн складывалась ситуация, когда командующие настолько не владели бы информацией о вражеских и собственных войсках, как генералы вермахта во Второй мировой войне. Именно неведение мы считаем одной из главных причин поражения Германии, ибо оно играло огромную роль в поддержании дисциплины, которая позволяла Адольфу Гитлеру удерживать власть.

Любой командующий должен знать как можно больше о своих войсках и войсках противника. Это важнейший закон военной науки. В вермахте преднамеренно проводилась политика предоставления командующему как можно меньше информации о немецких войсках, а добытые сведения о противнике редко бывали надежными и точными. Интересно рассмотреть обстоятельства, которые привели к такому положению дел.

Всего через несколько месяцев после начала войны произошло событие, повлекшее за собой серьезные последствия для немецких командующих. Ночью 9 января 1940 года немецкий самолет, заблудившись в густом тумане, приземлился в Мешлен-сюр-Мез в Бельгии. Самолет направлялся в Кельн из штаба 4-й армии в Мюнстере. Один из его пассажиров – майор люфтваффе Рейнберг вез детальные планы вторжения в Нидерланды. В этих документах раскрывалась роль немецких военно-воздушных сил и парашютистов в запланированном нападении. Когда самолет приземлился, Рейнберг, забежав за изгородь, попытался сжечь документы, но бельгийский солдат успел их выхватить. Впоследствии на допросе в бельгийском штабе Рейнберг снова попытался уничтожить документы, схватив их со стола начальника штаба и бросив в печь. Однако нашелся еще один проворный бельгиец. Он сунул руку в раскаленную печь и достал почти не поврежденные бумаги. Из обгоревших документов удалось воссоздать довольно полную картину немецкого вторжения в Нидерланды.

После этого случая пришлось произвести крупномасштабные изменения планов вторжения. Однако гораздо более важным последствием стал приказ из Берлина, в котором предписывалось ни при каких обстоятельствах не информировать командующих о планах операций, не касающихся их непосредственно.

Во время войны этот приказ становился более детальным. Командир дивизии знал лишь то, что касалось его дивизии. О том, что намечается на флангах его дивизии, его информировали лишь в том случае, если предстояли совместные действия. Это ограничение сохранялось по всей вертикали: от дивизии до корпуса, от армии до группы армий и даже до главнокомандующих разными фронтами. Поэтому фельдмаршал Кессельринг в Италии ничего не знал о резервах фельдмаршала фон Рундштедта во Франции, событиях в СССР или численности войск, оставшихся в Германии.

Офицеры не только не знали, что происходит в других секторах, но и не пытались узнать. Ужасающее отсутствие информации у старших офицеров о том, что не касалось их лично, иногда кажется просто невероятным. Никто не был осведомлен о том, что делают остальные; приказы выполнялись при минимуме тактической информации, необходимой для непосредственного задания. В Нормандии целые дивизии быстро продвигались вперед, не зная, что слева от них фронт прорван и им грозит окружение. Самолеты люфтваффе вылетали на задания, не известив войска, над которыми пролетали, и сухопутные части тратили время и боеприпасы, пытаясь сбить собственные самолеты. Офицеры были ошеломлены, обнаружив, что хваленый «Атлантический вал» построен из «туалетной бумаги», а в Париже нет резервов. Генерал-полковник Штудент, командующий группой армий «Х», нахо-

дившейся на фланге арденнского наступления, узнал о наступлении всего лишь за восемь дней до его начала, а командиры дивизий слышали о нем из передачи по немецкому радио.

Сравните эти методы с методами союзников: фельдмаршал Монтгомери поставил в известность о своих намерениях всех подчиненных за двадцать четыре часа до битвы при Эль-Аламейне. Или попытайтесь представить следующую ситуацию: генералу Брэдли, командующему 12-й группой армий во Франции, сообщили бы о том, что Монтгомери собирается выбросить парашютные десанты в Неймегене и Арнеме, лишь за несколько дней до операции! Непрерывный скоростной поток информации о текущих и планируемых операциях, которой обменивались командующие, был кровеносной системой союзнических войск в Северо-Западной Европе. Даже офицеры относительно невысокого ранга всегда были в курсе стратегического положения в основных чертах. Тем сложнее нам понять ограничение информации о собственных войсках в немецких армиях.

Из этой ситуации следовали два результата. Первый: несмотря на самый высокий ранг, ни один фронтовой офицер не мог получить доступ к Гитлеру и высказать свое мнение о неосуществимости запланированной операции из-за недостатка резервов. Никто, кроме маленькой группы приближенных к Гитлеру советников, не видел истинной общей картины, и ни один офицер не мог представить убедительные доводы против будущей операции, поскольку не имел необходимых фактов или статистических сведений в поддержку своей точки зрения.

Второй результат этой официальной политики всеобщего неведения: не имея никаких источников информации, все офицеры обращались за новостями к доктору Геббельсу. Они доверчиво выслушивали его заверения в том, что немецкая армия сильна и непобедима, союзники несут катастрофические потери и создается мощное секретное оружие. Генерал Альфред Шлемм, командующий 1-й парашютно-десантной армией, признает, что с негодованием услышал о заговоре 20 июля. Что подвигло их на предательство, думал Шлемм, когда в Италии ситуация стабилизировалась, в Нормандии союзники обескровлены, на востоке удастся сдерживать Советскую армию и резервы на подходе?

«Теперь я сознаю, насколько не представлял истинное положение, – говорит сегодня Шлемм. – Я вижу теперь, что все заверения Геббельса были ложью и к июлю 1944 года война была практически проиграна. Один Гитлер знал это и скрывал от нас. Если бы тогда я знал то, что знаю сейчас, я всем сердцем сочувствовал бы заговорщикам»².

Немецких командующих не только держали в неведении относительно происходящего по их сторону фронта, но и вводили в прискорбное заблуждение относительно противника. Это происходило скорее из-за свойственных вермахту изъянов в подготовке личного состава и методах, чем из-за его структуры. В сочетании с ограниченной оперативной информацией эти изъяны привели к появлению очень плохо информированной группы генералов, участвовавших в глобальной войне. Одним из самых потрясающих послевоенных открытий был тот факт, что немецкая военная разведка была на удивление неточной и неэффективной.

Всемогущество «пятой колонны» и ловкость немецких агентов многие годы были любимыми темами приключенческих романов и кинобоевиков. До и во время войны тень всемогущей супершпионской организации, объединявшей гестапо, абвер, службу безопасности и внешнюю разведку, наводила ужас на весь мир. Но их возможности очень сильно переоценивали. Если главной задачей тысяч агентов, завербованных нацистами, был сбор информации, которой военные лидеры могли бы воспользоваться при ведении войны, они эту задачу не выполнили. Вряд ли когда-либо разведка так плохо служила армии, как немецкая разведка вермахту в период Второй мировой войны.

² Допрос генерала Шлемма, октябрь 1945 г.

Самым большим провалом немецкой разведки считается тот факт, что два ее высших офицера – адмирал Вильгельм Канарис и генерал-майор Ганс Остер – были активными членами немецкого сопротивления. Хотя эти двое в течение многих лет действительно руководили заговором против Гитлера, не существует доказательств того, что они не выполняли своих функциональных обязанностей или срывали военные операции ложной информацией о планах и действиях союзников. Вместе с руководимыми ими службами они энергично и неустанно снабжали высшее немецкое командование детальными оценками вражеских замыслов. Потрясающая безуспешность их деятельности объясняется скорее неумением, чем предательством.

Перечень грубых ошибок разведки почти так же длинен, как перечень плохих военных решений. Даже победы Германия одерживала вопреки военной разведке, а не благодаря ей. Почти у всех немецких генералов было одно общее качество – потрясающее незнание боевой мощи и планов врага в разных военных кампаниях. Едва ли можно назвать хоть одно важное сражение, на исход которого не повлияли бы ложные разведданные. Чехи собираются драться за Судетскую область; французы за линией Мажино слишком сильны; Дюнкерк не подорвал боевую мощь англичан; Красная армия не в силах противостоять современным бронетанковым армиям и слишком слаба для организации контрнаступления; англо-американское вторжение на континент должно начаться в Па-де-Кале, а не в Нормандии. Это лишь некоторые из ложных выводов разведывательной службы, перед которой трепетал весь мир.

Провал немецкой разведки можно объяснить двумя основными причинами. Первая – методичный тевтонский ум, склонный к детализированию, но не развивший дара отличать истину от лжи. Успешно используя романтические шпионские методы в деятельности своей «пятой колонны», немцы перенесли эти методы в военную сферу. Агенты с приклеенными бородами и фальшивыми паспортами лихорадочно трудились во всех мировых столицах. Собранная ими информация бурным потоком текла в Берлин, где сводилась в таблицы, заносилась в картотеку и регистрировалась тщательно по-немецки. Однако немцы так и не научились оценивать источники информации. Любые сведения, даже изначально ложные, если они достаточно часто повторяются, приобретают правдоподобность за счет этого повторения. Объем информации стал более важным, чем достоверность; чем больше фактов, тем они точнее. В результате накопился банк бесчисленных деталей, аккуратно включенных в каталог, но имевших небольшую реальную ценность, поскольку они не были правильно проанализированы.

Типичный пример этого процесса мы находим в отрывке из разведдонесения, посланного командованием группы армий «Юго-Запад» 10-й и 14-й армиям в Италию.

Речь идет об интерпретации словосочетания «Blighty establishment», которым в данном случае солдаты называли некоторые части, расквартированные в Англии. Вот что мы находим в документах немецкой разведки:

«Согласно заявлению военнопленного, батальон военно-технического обеспечения, недавно включенный в состав английской пехотной дивизии, на солдатском жаргоне называется «Blighty establishment». Смысл этого наименования пока не вполне ясен. Есть два возможных толкования:

а) Индейское слово «Bilaty» – деревня или дом, которое во время войны превратилось в солдатское жаргонное «Blighty» и обозначает ранение, обеспечивающее возвращение раненого в Англию.

б) «Blight» – плесень, ядовитое испарение, или «to blight» – разрушать.

Поскольку после преобразования пулеметного батальона в батальон материально-технического обеспечения эта часть была вооружена 106,7-миллиметровыми минометами (4,2-дюймовыми минометами для фосфорных мин), есть основания предположить, что верен вариант б).

Дознатели должны выяснить, относится ли английское выражение «Blighty establishment» к вышеупомянутому снабжению батальона материально-технического обеспечения химическими веществами».

Здесь изобилие фактов, доступных сотрудникам разведотделов, привело к такому количеству неадекватных толкований, что у них осталось мало шансов на выбор достоверного. Неудивительно, что косные тевтонцы, скованные картотеками, так часто выбирали неверный ответ, а верный получали, когда пренебрегали рассуждениями.

Вторая причина провала немецкой разведки – неприязнь профессиональных военных к «канцелярским крысам». Воспитанный в атмосфере презрения к чиновникам, средний немецкий офицер с подозрением относился к мнению людей, «воевавших» за письменными столами в Берлине. В результате немецкие командующие имели склонность заменять оценки разведки своими собственными. Вместо того чтобы тщательно рассмотреть факты и на их основании определить возможные действия врага, командующий ставил себя на место противника и решал, как он сам поступил бы в данной ситуации. Поскольку вопросы, которые считал важными немецкий генерал, не всегда были важны генералу союзников, подобные догадки о вражеских намерениях в лучшем случае могли быть верны лишь наполовину.

После того как в начале войны организация Канариса совершила несколько глупых ошибок, ей мало верили даже в тех случаях, когда она была права. Вдобавок, упоенные радостью первых побед, генералы почувствовали, что пренебрежение разведанными не оказывает большого влияния на исход сражения. Они не привыкли всерьез воспринимать разведку, даже когда стали терпеть поражения; а тогда разведка стала не просто полезна, но жизненно необходима.

Подполковник, возглавлявший отдел немецкой разведки «Иностранные армии Запада», так описывает отношение консервативных генералов к разведке:

«Мое мнение (о том, что рейд в Дьеп в августе 1942 года не являлся предвестником или частью масштабного вторжения союзников) не было одобрено генералом Цейцлером, начальником штаба во Франции. Цейцлер ожидал крупномасштабное вторжение во Францию вопреки оценкам моего отдела, выражавшего противоположную точку зрения... Мы считали, что британцы в тот момент не способны предпринять крупномасштабное вторжение, поскольку глубоко увязли в Северной Африке. Дьепский десант укрепил Цейцлера и Кейтеля в их мнении. Присутствуя на совещаниях во Франции и в тылу, я пытался убедить верховное командование в истинной цели операции. Когда мой рапорт положили на стол начальника штаба, он заявил: «Похоже, отдел «Иностранные армии Запада» слишком много времени тратит на составление документов. Им следовало бы заняться более конструктивной работой».

К концу 1943 года моего шефа и меня вызывали на совещания начальников штабов вермахта по меньшей мере раз в месяц. Нас всегда поражала совершенно нелогичная недооценка англо-американских сил и переоценка потенциальных возможностей немецких войск во Франции, Норвегии и на Балканах. Войсковые соединения постоянно переводились на другие театры военных действий. В результате мой шеф одобрил завышенные нами оценки численности британских дивизий в противовес слишком оптимистичному настроению начальников штабов...»

А теперь коротко подведем итог изложенного в первых главах. Во время Второй мировой войны не раз складывались ситуации, когда Германия могла бы одержать победу, если бы действовала иначе. В каждой из этих ситуаций немецкий народ обладал достаточными материально-техническими ресурсами для победы. Однако Германия потерпела поражение, и причина его кроется в том, что немецкие военные лидеры, ответственные за ведение войны, оказались не в состоянии эффективно воспользоваться своим превосходством. У военного руководства Германии было три существенных недостатка. Во-первых, при их попуститель-

стве Гитлер стал не только высшей политической, но и высшей военной властью в стране. Во-вторых, дисциплинированность и личный кодекс чести удерживали их от восстания против главы государства, а жесткая дисциплина, внедренная ими в армию, привела к тому, что и рядовой состав не мог организовать активное сопротивление Гитлеру. И в-третьих, эта жесткая дисциплина никогда не подвергалась испытанию, поскольку офицеров и рядовых держали в полном неведении относительно реального положения дел по обе стороны линии фронта, поэтому у них не было оснований для сопротивления.

В первые годы войны слишком глубокое неведение, слишком жесткая дисциплина и абсолютная власть Гитлера привели к ошибкам, укравшим у Германии победу, которую она почти держала в руках. В последний год войны, когда уже не могло быть речи о победе и впереди маячила тень полного разгрома, эти три силы принесли Германии излишние разрушения, страдания и смерти. Поскольку излагаемая здесь история – история поражения, то основной упор необходимо сделать на последний военный год, когда поражение уже было не перспективой, а реальностью. Однако, чтобы до конца понять причины краха вермахта, необходимо знать, что он собой представлял и как создавался. Выяснив это, мы рассмотрим, как Германия ковала свой разгром, что испытали немецкие армии на Западном фронте в последний год.

Прежде чем двигаться дальше, необходимо сказать еще кое-что. Горнилом, в котором ковалось поражение германских армий, был советский театр военных действий. Именно там были постоянно задействованы и систематически уничтожались две трети всех немецких вооруженных сил. К сожалению, объем этой книги позволяет нам лишь кратко упомянуть эти великие сражения. Но можно с уверенностью утверждать, что история немецкого поражения на востоке ничем не отличается от истории немецкого поражения на западе, хотя поражение Германии на востоке сопровождалось большими потерями и страданиями.

Часть вторая ИСТОКИ

Глава 5 ВЕРМАХТ ВОЗРОЖДАЕТСЯ

Шел ноябрь 1918 года. Война закончилась, но в Германии не воцарился мир. Раздраженная армия, во главе которой стояли офицеры, убежденные в том, что получили удар кинжалом в спину от лидеров страны, организованно отступила на западе, но еще удерживала свои завоевания на востоке. Социал-демократическое правительство попыталось провести частичную демобилизацию огромной, недовольной армии, но эта задача оказалась ему не по силам. Правительство попросило фельдмаршала фон Гинденбурга, командующего немецкими вооруженными силами, решить технические проблемы отвода войск с фронта. Штаб фон Гинденбурга выполнил порученное задание с легкостью, порожденной опытом и выучкой, предотвратив хаос, готовый поглотить страну. Своей просьбой правительство признало свою зависимость от офицеров старой школы и крепко связало имперский Генеральный штаб с республикой.

Эта связь стала роковой для Веймарской республики, поскольку ей не удалось освободиться от господства офицерского корпуса, а он уже более сотни лет был в Германии государством в государстве. Воспитанные в духе ярого патриотизма, презиравшие гражданские власти, защищенные от гражданского судопроизводства, профессиональные военные образовали замкнутую касту, скованную присягой немецкому императору и собственным кодексом чести. Для офицера, совершившего проступок или преступление, не существовало более грозного и унижительного приговора, чем приговор суда чести. Лишение воинского звания было приглашением (часто принимаемым) к самоубийству.

Привилегированная, с почти средневековыми неизменными традициями, благоговейно уважаемая гражданским обществом, военная каста получала полномочия непосредственно от кайзера и была инструментом осуществления его власти. Опираясь на раннем этапе на эту по своей природе антиреспубликанскую касту, республика обеспечила свою гибель; в дальнейшем ржавчина прусского милитаризма разъест всю ее структуру.

Насколько сильное презрение и ненависть испытывали некоторые имперские офицеры к своим штатским повелителям, видно из письма Людендорфа, начальника штаба фон Гинденбурга, которое он написал жене в феврале 1919 года: «Оставив нас в живых, революционеры совершили величайшую глупость. Если я снова приду к власти, пусть не ждут пощады. Я с чистой совестью повешу Эберта и Шейдемана с компанией и буду смотреть, как они болтаются на виселицах»³.

Все же именно на таких людей пришлось опираться слабому социал-демократическому правительству. Из всех грозящих ему опасностей самую страшную представляли группы демобилизованных солдат и матросов, руководимые коммунистами. Чтобы справиться с этой угрозой, у правительства было два выхода: организовать народную армию под управлением людей, которым можно было доверять, или призвать на помощь профессиональных солдат, преданных традициям прежнего имперского режима. Аргументацию правительства сформулировал Густав Носке, военный министр и лидер социал-демократического большинства во временном правительстве Фридриха Эберта:

³ *Маргарита Людендорф. Als Ich Ludendorffs Frau War. Мюнхен, 1929. С. 209.*

«К нашему глубокому сожалению, сержантский и рядовой состав армии не выдвинули ни одного лидера, несмотря на то что повсюду власть была в их руках. Я был вынужден обратиться к офицерам. Безусловно, многие из них – монархисты, но, когда возникает задача реконструкции, приходится прибегать к помощи профессионалов. Армия без дисциплины – пародия на армию. Если необходимо выбирать между плохим офицером, социал-демократом, и хорошим офицером, консерватором, я выбираю второго».

Таким образом, вместо ликвидации старого офицерского корпуса, его поспешно возродили под названием «добровольческий корпус» («фрейкор»). Добровольческий корпус формировался Генеральным штабом из остатков потерпевшей поражение армии втайне от временного правительства и без его согласия. Однако, узнав о существовании «фрейкора», Эберт и Носке вздохнули с облегчением. Это была единственная сила, способная сделать то, что, по их мнению, сделать было необходимо. Добровольческому корпусу был выдан мандат на подавление всякой оппозиции, в особенности революционеров радикально-левого толка, которые грозили сбросить правительство Эберта. Добровольческий корпус безжалостно и не без удовольствия выполнил свое предназначение.

Восстание «Союза Спартака» в Берлине в январе 1919 года было подавлено минометами и огнеметами. Карл Либкнехт и Роза Люксембург, руководители спартаковцев, были убиты офицерами гвардейского кавалерийского корпуса. Рабочие, взбунтовавшиеся в феврале в Бремене и Руре, были разгромлены. В марте для подавления еще одного восстания в Берлине добровольческий корпус использовал танки и самолеты. В Мюнхене попытка создать Баварское советское правительство привела к убийству более тысячи гражданских лиц. Быстро собрав под своим крылом множество безработных авантюристов и фанатов, добровольческий корпус подавлял беспорядки с возрастающей жестокостью. Хуже того, он создал кодекс чести, в котором напроочь отсутствовала преданность офицеров правительству. Их политическим кредо были презрение и ненависть к социал-демократическому движению, разрушившему Германскую империю, которой они прежде служили.

Начав с подавления уличных беспорядков, добровольческий корпус перешел к ожесточенным боям против русских в Балканских государствах и против поляков в Польше. Именно из этой банды безответственных, безрассудных вояк впоследствии черпали своих лидеров штурмовые и охранные отряды Гитлера. О влиянии добровольческого корпуса на будущее Германии легче всего судить по небольшому, но впечатляющему перечню его членов: Геринг, Гесс, Рем, Роммель, фон Манштейн, фон Кюхлер, Рамке, Борман, Фрик, Дитль, фон Эпп.

В марте 1919 года правительство приняло закон о восстановлении и реорганизации немецкой армии. Немецких правителей особо не заботила мысль о том, что у союзников, обсуждавших условия мирного договора, может быть собственное мнение о структуре и численности немецкой армии. Члены добровольческого корпуса стали ядром нового рейхсвера, и через несколько месяцев около 400 тысяч солдат были готовы защищать фатерланд.

Но 7 мая 1919 года немцам был нанесен сокрушительный удар. Часть V Версальского мирного договора разрушила оптимистические мечты немецкого верховного командования, которое полагало, что получит разрешение строить национальные вооруженные силы по своему усмотрению. Версальский договор отменял всеобщую мобилизацию; имперская армия должна была смениться сотней тысяч добровольцев, согласных служить двадцать пять лет (для офицеров) и двенадцать лет (для сержантского и рядового состава). Единственной задачей этой армии было поддержание внутренней безопасности Германии. Военный флот предписывалось сократить до ничтожных размеров, Германия не могла иметь ни одной подводной лодки. Также не допускалась организация военно-воздушных сил. Генеральный штаб требовалось распустить.

Нацию тут же охватили гнев и негодование. Раздавались призывы к отказу от подписания мирного договора, вплоть до возобновления военных действий. Однако фон Гинденбург признался временному правительству, что его войска не в состоянии защищаться от объединенных сил союзников вне Германии и революционных элементов внутри рейха, Версальский договор пришлось подписать. Это случилось 28 июня 1919 года.

Последовавшие за подписанием договора месяцы были отмечены взрывами насилия и хаосом. То группы недовольных офицеров, то рабочие советы пытались свергнуть правительство и захватить власть. Сокращение армии до согласованного лимита в 100 тысяч человек означало увеличение числа безработных в стране, измученной повальной безработицей.

Самой серьезной проблемой стал добровольческий корпус, состоявший из банд недисциплинированных бывших солдат, презиравших закон и порядок. Борясь одним пожаром против другого, правительство завербовало этих безжалостных авантюристов для подавления рабочего восстания в Руре в марте 1920 года. Они выполнили порученную работу с удовольствием. «Мы никому не давали спуска, – писал один из этих людей о том, как они поступали со своими соотечественниками. – Мы пристреливали даже раненых. Энтузиазм огромный, почти невероятный»⁴.

Удовольствие от насилия – одно из первых проявлений кровожадности, позже питавшей гитлеровские штурмовые и охранные отряды.

Некоторые отряды фрейкора были реорганизованы в трудовые батальоны и тайком использовались верховным командованием для защиты восточной немецкой границы от Польши. Другие объединились в тайные общества, целью которых было уничтожение республики. Лучших бойцов добровольческого корпуса взяли в съездившийся до 100 тысяч человек рейхсвер. В добровольческом корпусе и в стотысячной армии воспитывались лидеры возрождающегося вермахта. Можно с уверенностью утверждать, что все немецкие генералы Второй мировой войны (за малым исключением) часть своего военного опыта получили как младшие офицеры или сержанты одной из этих организаций, а большинство служило в обеих. Более сдержанные пошли в стотысячную армию; громилы и авантюристы из фрейкора впоследствии нашли применение своим способностям в рядах «охранных отрядов» и «коричневорубашечников».

Унизительные условия Версальского договора не задушили честолюбивые устремления Германии, на что рассчитывали победители, а, наоборот, воодушевили. Версальский договор не только сплотил небольшую группу людей, чьей профессией было военное дело и ничто другое, но и пробудил в них страстное желание применить на практике знания, которыми они так хорошо владели. Поэтому любой, кто обещал им помощь в освобождении от оков части V Версальского договора, сразу получал их полную поддержку.

Весьма распространенным заблуждением, которое легко развеять, является представление о немецком Генеральном штабе как о таинственной военной организации, в которую входит узкий круг лиц, обладающих выдающимися талантами. На самом деле любой офицер немецкой армии мог стать офицером Генерального штаба. Если он был достаточно способным, его посылали на двух-трехгодичные курсы, где тщательно изучались методы ведения боевых действий, после чего нужно было сдать ряд конкурсных экзаменов. Если офицера принимали в Генеральный штаб, это означало, что он способен решать сложные административные задачи в штабах различных родов войск.

Кроме редких учебных сборов, ежегодного посещения лекций и алых лампасов на форменных брюках, ничто не отличало офицера Генерального штаба от обычного строевого офицера. Разумеется, человеку с генштабовской подготовкой легче было сделать военную

⁴ Ганс Эрнст Фрид. Вина немецкой армии. Нью-Йорк, 1942. С. 192.

карьеру, однако множество немецких офицеров, выбившихся в генералы, в свое время не были приняты на высшие штабные курсы.

Влияние Генерального штаба на армию заключалось в неукоснительном и высокомерном соблюдении традиций. В большой степени этими традициями Генштаб был обязан генерал-полковнику Гансу фон Зекту, начальнику сухопутных сил рейхсвера с 1920-го по октябрь 1926 года. Фон Зект считал, что армия должна быть полностью отделена от политики. Исходя из этого положения солдатам запрещалось голосовать, состоять в политических партиях и принимать участие в политических демонстрациях.

«Армия должна стать государством в государстве, – заявлял фон Зект, – и слиться с государством, служа ему; фактически она должна стать безупречным образом государства».

Несмотря на запрещения Версальского договора, при фон Зекте Генеральный штаб был тайне сохранен и проходил подготовку. Ставилась цель создания армейских лидеров, готовых к экспансии, когда придет долгожданный день перевооружения. Сержантский состав готовили к роли офицеров; у старших офицеров было достаточно знаний для командования дивизиями и корпусами. Решительно поддерживались традиции старой армии. Усердно поощрялись обычаи, связанные с именами Шарнхорста, Гнейзенау и Мольтке.

Хотя фон Зект не любил и не уважал республику, он настаивал на лояльности армии государству. Он предавал анафеме анархию и гражданскую войну. Поэтому, когда в ноябре 1923 года Гитлер и Людендорф затеяли в Мюнхене неудавшийся путч, армия, проникшись философией фон Зекта и сохранив нейтралитет, обеспечила его подавление.

Шаткий союз рейхсвера и республики укрепился, когда в апреле 1925 года президентом рейха стал великий полководец Германии фельдмаршал Пауль фон Гинденбург. Армия без колебаний выразила доверие и преданность победителю Танненберга. Пока фон Гинденбург оставался президентом, у республики оставалась уверенность в том, что армия не вонзит ей нож в спину. Однако за безопасность пришлось расплачиваться: в каждом важном политическом решении республике приходилось учитывать интересы рейхсвера. Бросившись за защитой в крепкие объятия фон Гинденбурга, республика должна была помнить, что в любой момент эти объятия могут не спасти, а раздавить ее.

Однако пребывание Гинденбурга на посту президента естественным образом уменьшило силу и власть, на которые мог претендовать фон Зект. Семидесятидевятилетний президент со всей очевидностью дал понять, что в военных вопросах фон Зект будет играть вторую скрипку. На самом деле, фон Гинденбург вовсе не восхищался фон Зектом: во время Первой мировой войны старик возмущался некоторыми военными решениями фон Зекта. Из-за этого прохладного отношения измышления врагов армейского шефа всегда благосклонно выслушивали в президентском дворце. Когда, не испросив разрешения у президента или военного министра, фон Зект позволил сыну немецкого кронпринца принять участие в осенних маневрах 1926 года, поднялась такая буря негодования, что фон Зект был вынужден уйти в отставку. Фон Гинденбург даже не попытался спасти его.

Преемником фон Зекта на посту руководителя рейхсвера стал генерал-полковник Вильгельм Хэйе, квалифицированный, но безынициативный штабной офицер. С отставкой фон Зекта ведущую роль в формировании отношений армии с государством захватил генерал Курт фон Шлейхер, глава политической службы рейхсвера и известный интриган.

В запутанных интригах и жестоких политических играх, которые в результате привели к власти Гитлера, фон Шлейхер открыто использовал армию. Сначала он флиртовал с нацистами, обещая слияние рейхсвера и штурмовиков Рема в случае реальной угрозы победы левых сил. Затем он составил заговор с целью уничтожения социал-демократов как политической силы, введения управления страной правительством, сформированным фон Гинденбургом при поддержке рейхсвера. Став канцлером Германии, фон Шлейхер попытался рас-

колоть нацистов, предложив пост вице-канцлера Грегору Штрассеру, одному из нацистских лидеров.

Однако даже фон Шлейхер не мог сравниться с Гитлером в жестокости и искусстве надувательства. Он был слишком мелкой фигурой для того, чтобы сыграть заметную роль в истории. Из-за вмешательства фон Шлейхера в государственные дела армия в конце концов оказалась втянутой в политику. Фон Шлейхера даже нельзя обвинить в личном честолюбии. Его больше беспокоили влияние и престиж немецкой армии; то, что по ходу дела будет удушена Веймарская республика, его мало волновало.

Вероятно, для многих немецких офицеров вполне естественными были симпатии к нацистам, предложившим им немедленное освобождение от цепей Версальского договора, увеличение численности армии, продвижение по службе, более высокие оклады и возможность использовать свое мастерство во славу фатерланда. Правда, кое-кого из младших офицеров арестовали и обвинили в распространении нацистских взглядов в армейских рядах, зато некоторые старшие офицеры, вдохновленные примером фон Шлейхера, начали секретные переговоры с Гитлером. Среди них были Кейтель, фон Бломберг и фон Рейхенау.

Однако следует отметить, что в жестокой борьбе, результатом которой стала гибель республики, рейхсвер, в массе своей, сохранял нейтралитет. Большая часть офицеров немецкого Генерального штаба оставалась зрителями победоносного шествия Гитлера к власти. Консервативные прусские офицеры не испытывали симпатий ни к демократическим силам, ни к фашистским деятелям национал-социализма. Их воспитание и мировоззрение не позволяли помогать «левому» рейхстагу, а привлекательные идеи национал-социализма омрачались грубостью нацистских лидеров и их методов. Верные взглядам фон Зекта офицеры требовали, чтобы любые политические изменения проводились законно, а не под давлением гражданских беспорядков. Но поскольку президентом был фон Гинденбург, все, что считал законным старик, вполне их устраивало. Гитлер же давно понял, что дорога к власти вымощена ограничениями законности. Он создавал, что стычка с рейхсвером стала бы роковой для его планов, и не стремился к конфронтации, во всяком случае на первоначальном этапе. Вот почему назначение новым канцлером Германии Адольфа Гитлера 31 января 1933 года офицерский корпус воспринял со смесью презрения, безразличия и превосходства.

После этого в Германии началась реальная борьба за власть. Группировкой, еще способной оказать эффективное сопротивление национал-социализму, был офицерский корпус. Гитлер это прекрасно знал и преисполнился решимости обратить его в свою веру или свернуть ему шею. Сначала он попробовал первое. Армию подвергли массивной пропаганде, отвечавшей патриотическим и военным устремлениям Генерального штаба. Читая лекции перед офицерским корпусом, Геббельс, Розенберг и другие не пренебрегали тонкой лестью, однако больших успехов не добились.

Первый конкретный союз между Гитлером и Генеральным штабом был заключен в период кровавой чистки нацистских рядов в июне 1934 года. Рем, лидер штурмовых отрядов, облил грязью Генеральный штаб, обвинив его в равнодушии к национал-социализму, попытался объединить рейхсвер со штурмовиками, чтобы командовать этой единой военной силой, получив пост военного министра. Действующий военный министр фельдмаршал фон Бломберг и новый командующий армией фон Фрич вместе с другими высшими офицерами яростно воспротивились новоявленной угрозе. Их ужаснула перспектива слияния со штурмовыми отрядами, прославившимися продажностью, гомосексуальными оргиями и бандитизмом. Опираясь на авторитет фон Гинденбурга, фон Бломберг заявил Гитлеру, что, если штурмовиков не приструнят, будет введено военное положение. Поставленный перед выбором – армия или Рем, Гитлер, при поддержке Геринга и Гиммлера, выбрал рейхсвер. Используя СС, фюрер отдал приказ о «ночи длинных ножей». В кровавой резне, длившейся два выходных дня, погибли Рем и его соратники. Хотя армия не приняла непосредственного

участия в этих убийствах, она спокойно переждала происходящее и даже принесла Гитлеру свои поздравления. Правда, когда бойня закончилась, офицерский корпус с возмущением обнаружил, что среди жертв оказались его выдающиеся представители, в том числе генералы фон Шлейхер и фон Бредов.

Несколько офицеров попытались очистить имена фон Бредова и фон Шлейхера от обвинений в государственной измене, но Гитлер решительно пресек эти попытки. Он настаивал на том, что их смерть справедлива, поскольку они организовали заговор с целью свержения нацистского режима. Неудобное партнерство, затеянное Генштабом для избавления от соперника, в последовавшие месяцы становилось все более тягостным. Затем все, кто надеялся укротить честолюбие Гитлера и ограничить его власть, получили серьезный удар. 1 августа 1934 года умер фельдмаршал фон Гинденбург. Двадцать четыре часа спустя Адольф Гитлер объявил себя президентом и канцлером рейха, соединив два самых высоких государственных поста. Фюрер стал верховным главнокомандующим немецкими вооруженными силами, и весь офицерский корпус покорно принес ему присягу на верность.

Глава 6

ГИТЛЕР ПРОТИВ НЕМЕЦКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Прошло всего шесть месяцев, и 16 марта 1935 года Гитлер официально обнародовал свои планы, которые держал в секрете с момента своего прихода к власти. Одним росчерком пера он аннулировал часть V Версальского договора, восстановил всеобщую мобилизацию, приказал увеличить численность армии в пять раз и объявил о восстановлении военной авиации. Военное министерство было реорганизовано и теперь координировало деятельность всех вооруженных сил. Затем военное министерство переименовали в верховное главнокомандование вермахта (ОКВ), которому подчинялись главное командование сухопутных войск (ОКХ), главное командование военно-морских сил (ОКМ) и главное командование военно-воздушных сил (люфтваффе) (ОКЛ). Гитлер, как верховный главнокомандующий вермахта, назначил фельдмаршала фон Бломберга военным министром, а генерал-полковника фон Фрича главнокомандующим сухопутными силами.

Следующие несколько лет были очень напряженными для офицерского корпуса. Программа перевооружения, утвержденная Гитлером, превзошла самые честолюбивые планы военных лидеров. Не успевали одобрить один военный бюджет, как его сменял более щедрый. Формировались новые дивизии, строилось все больше самолетов, вводились в действие новые военные заводы. Немецкий Генеральный штаб с удовлетворением взирал на развитие событий, хотя тревожился, как бы скорость не отразилась на качестве исполнения программы. Обеспокоенность вызывало и расширение власти национал-социалистов. Старинные имперские традиции вытеснялись непривычными нацистскими, невероятно усиливалось давление на новый вермахт с целью обратить его в веру «нового порядка». Генеральный штаб во главе с главнокомандующим фон Фричем сопротивлялся этим попыткам и по-прежнему с отчужденностью и высокомерием относился к политическим выскочкам, управлявшим страной. Мнение офицерского корпуса тех важных лет ясно выражено в попытке генерала Вальтера Варлимонта, начальника объединенного штаба вермахта. Должность заместителя генерал-полковника Альфреда Йодля, главного советника Гитлера по планированию и стратегии давала Варлимонту возможность наблюдать борьбу между армией и национал-социалистами. Вот что вспоминал Варлимонт при обсуждении реакции Генерального штаба на эти события:

«Хотя абсолютно неправильно интерпретировать отношение Генерального штаба к перевооружению как согласие на подготовку к войне, нельзя отрицать, что каждый офицер Генштаба стремился избавиться от деревянных пушек и картонных танков, навязанных

унизительным договором. Именно Генштаб требовал самолеты и тяжелую артиллерию, как необходимые составляющие немецкого оружия...

Замену вновь обретенного черно-бело-красного флага свастикой мы восприняли как пощечину, хотя Гитлер подчеркивал, что цветовое сочетание осталось неизменным. Мы считали свастику чуждым, не немецким символом. К тому же мы не признавали претензий национал-социализма, утверждавшего, что именно он создал новый вермахт, и с удовлетворением восприняли публичное заявление генерал-полковника фон Фрича (Бремен, 1936) о том, что только стотысячная армия и ее офицеры являются носителями военного духа и мастерства.

Мы не осознали последствий Нюрнбергских законов (законов, ставших основанием для массового уничтожения людей. – *Примеч. пер.*), которые привели к увольнению из армии талантливых, популярных офицеров и их сыновей... Одновременно стало известно о личном обогащении национал-социалистических боссов, и это расширило брешь между партией и новой армией. Постепенно офицеры Генерального штаба почувствовали необходимость в стабилизирующем факторе и стали смотреть на Гитлера – по контрасту с его последовательями – как на новую надежду Германии. Кроме программы перевооружения, личную репутацию Гитлера в офицерском корпусе укрепила мирная оккупация демилитаризованной Рейнской зоны, поскольку этот шаг совпадал с фундаментальной политикой армии...»

Несмотря на заявления Варлимонта о том, что эти факты нельзя толковать как «подготовку к войне», существуют убедительные доказательства обратного; лидеры вермахта были полностью осведомлены о гитлеровских планах лихорадочного создания мощной военной машины. Да, они действительно выступали против некоторых его планов, но не потому, что были идеологическими противниками войны или амбиций Гитлера. Их советы всегда базировались на жестких военных принципах и редко – на гуманистических соображениях. Если они возражали против какого-то из решений Гитлера, то потому, что считали его неосуществимым, а не безнравственным. Сам Варлимонт невольно раскрывает этот образ мыслей в обсуждении вооруженного вмешательства Германии в испанскую гражданскую войну, начавшуюся в июле 1936 года.

«Вернувшись из Испании в декабре 1936 года, – пишет он, – я в первый и единственный раз за предвоенный период получил приказ принять участие в совещании у Гитлера. Мне тогда следовало – при поддержке фон Фрича и фон Бломберга, но противодействию посла в Испании Фаупеля – убедить фюрера в неразумности отправки нескольких крупных соединений немецкой армии в Испанию. По мнению Гитлера, предназначение немецкого солдата в Испании состояло не в том, чтобы отдать жизнь в борьбе против большевизма, а в том, чтобы военным вмешательством в дела Испании укрепить внешнюю политику Германии и способствовать решению других политических задач, в том числе программы перевооружения. В тот момент я счел это ловким политическим ходом, но испытал шок от того, что немецких солдат, умирающих в Испании, так чудовищно обманывают...»

Однако самое веское доказательство осведомленности лидеров вермахта об агрессивных планах Гитлера и усилении армии не только в целях обороны внутри границ рейха содержится в документе, озаглавленном «Стенограммы совещания в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 года»⁵.

На совещании особо приближенных к фюреру, где присутствовали военный министр фон Бломберг, главнокомандующие фон Фрич, фон Редер и Геринг, министр иностранных дел фон Нейрат и полковник Хоссбах, Гитлер изложил свои мысли о будущих территори-

⁵ Суд над главными военными преступниками: Протоколы Международного военного трибунала в Нюрнберге, Германия. Часть I. Лондон, 1946. С. 156 и далее.

альных захватах Германии. Это заявление следовало рассматривать как последнюю волю и завещание на случай его смерти.

Главная проблема Германии, начал Гитлер, – жизненное пространство. Поскольку будущее Германии не может быть обеспечено экономической деятельностью или увеличением доли в мировой торговле и промышленности, возникает настоятельная необходимость в жизненном пространстве. Следовательно, главный для Германии вопрос: «Где завоевать наибольшие территории наименьшей ценой?» Поскольку Англия и Франция не потерпят существование под боком могущественной Германии, получить жизненное пространство можно только применением силы. А здесь «невозможно избежать риска». Однако, если это единственное решение, остаются лишь вопросы, «когда и как» следует применить силу.

Гитлер указал на три благоприятные возможности, когда, по его мнению, агрессивные действия для Германии абсолютно безопасны. Во-первых, период с 1943-го по 1945 год. К тому времени перевооружение армии, флота и авиации будет практически завершено, вооружение и техническое обеспечение будут современными. Но затем они начнут постепенно устаревать, а существование особого оружия трудно сохранять в тайне бесконечно. Поскольку к тому времени и другие страны начнут перевооружение, возможно уменьшение относительной мощи немецкой армии. Хотя невозможно предугадать действительную ситуацию в 1943 – 1945 годах, тем не менее при дальнейшем выжидании Германия потеряет значительно больше, чем приобретет. Поэтому фюрер считает, что «необходимо окончательно разрешить проблему жизненного пространства не позднее 1943 – 1945 годов».

Вторая возможность сравнительно безопасных для Германии действий: глубокий политический кризис во Франции, исключающий использование французской армии против Германии. Это благоприятный момент для действий против Чехословакии. Третья возможность появится, если Франция вмешается в войну против «другого государства»: тогда тоже будет можно напасть на Чехословакию.

Затем Гитлер оценил вероятное поведение Франции, Англии, Польши и СССР в случае военных действий Германии против Чехословакии и Австрии. Британия слишком глубоко погрязла в проблемах собственной империи, чтобы втянуться в длительную европейскую войну, а Франция не станет воевать без поддержки Британии. Польша, имея в тылу СССР, не осмелится связываться с победоносной Германией. Только СССР может вступить в войну, а в этом случае Германия ответит на угрозу безотлагательными военными операциями.

Гитлер также считал гражданскую войну в Испании полезной для Германии, поскольку она сохраняет напряжение в Средиземноморье и даже может привести к войне Италии с Францией и Британией. Если такая война действительно начнется, то Гитлер будет наготове и предпримет молниеносные атаки на Австрию и Чехословакию.

В течение этой речи, прояснившей жестокие, захватнические цели национал-социализма, не раздалось ни единого, даже тихого протеста. Фон Бломберга и фон Фрича беспокоили лишь вопросы стратегии. Командующие скептически отнеслись к возможности Италии устоять против объединенных сил Франции и Британии, не разделили убежденности фюрера в том, что Британия может осуществить интервенцию на континент. Но они не усмотрели ничего плохого в хищнических планах Гитлера, столь хладнокровно перед ними изложенных. Несмотря на то что дальнейшие события позволили Гитлеру изменить курс, изложенный в этом примечательном документе, он убедительно доказывает, что политические и военные руководители рейха разделяли агрессивные устремления фюрера. Протоколы этого совещания дезавуируют любые будущие заявления офицеров немецкого Генерального штаба о том, что они были только простыми солдатами, верными своей присяге, и не сознавали, куда ведет их политика перевооружения.

Центральной фигурой следующей фазы борьбы за власть между Гитлером и вермахтом был главнокомандующий сухопутными силами вермахта генерал-полковник Вернер фон

Фрич, высокомерный аристократ, консервативный, суровый и замкнутый. Еще более надменный вид этому коренастому, широколицему офицеру придавал вечный монокль в глазу. Фон Фрич представлял собой совершенное воплощение придуманного и столь любимого писателями-романистами образа вымуштрованного немецкого офицера. Бесконечно презиравая нацистов, их лидеров и методы, фон Фрич без колебаний демонстрировал свое презрение к самому фюреру. Он олицетворял последнюю линию обороны немецкого офицерского корпуса, еще сопротивлявшегося абсолютному господству Гитлера.

Фон Фрич был честен и возражал против многих приказов фюрера, а иногда позволял себе бестактность и даже грубость. Например, когда Гитлер приехал в Саарбрюккен, чтобы после оккупации Рейнской области показаться своим новым подданным, атмосферу благоговейного почтения, умело созданную Гиммлером, Гессом и другими, нарушило неожиданное появление на городской площади мощного «мерседеса». Выпрыгнувший из машины фон Фрич, намеренно игнорируя протянутую руку фюрера, резко отсалютовал, отбарабанил рапорт, развернулся на каблуках, прошагал к машине и отбыл. Подобное поведение не могло не привести к конфликту с партийными лидерами, прежде всего с Гиммлером, который впоследствии способствовал падению строптивого командующего.

Случаем, вынесшим на поверхность тлеющий конфликт, стала женитьба военного министра фон Бломберга на никому не известной стенографистке. Фон Фрич решил, что фон Бломберг, все больше подпадавший под влияние Гитлера, уже исчерпал свою полезность. Его также возмутило то, что фон Бломберг оскорбил Генштаб, выбрав себе жену низкого происхождения. Он и Гиммлер показали Гитлеру досье, из которого следовало не только неподобающее происхождение жены военного министра, но и то, что прежде она была проституткой. Гитлер, присутствовавший на свадьбе свидетелем и таким образом благословивший этот брак, впал в ярость и тут же уволил фон Бломберга. Чтобы предотвратить назначение фон Фрича военным министром, Гиммлер предъявил Гитлеру доказательства гомосексуальных пристрастий фон Фрича. Эти «доказательства» от заключенного, бывшего члена партии, явно были сфабрикованы. Убеденный в безнравственном поведении двух своих высших армейских офицеров, Гитлер решил отправить в отставку не только фон Бломберга, но и фон Фрича. 4 февраля 1938 года стало еще одним переломным моментом предвоенной истории Германии, ибо теперь были устранены главные препятствия политизации армии. Избавление от остатков оппозиционеров в немецком Генштабе больше не представляло трудностей.

Позорные методы, использованные для устранения фон Фрича, раскрываются в письмах, написанных им его возлюбленной, баронессе фон Шуцбар-Мильхлинг. В начале февраля он написал: «...я мало знаю о собственном положении. Подозреваю, что отставка фон Бломберга каким-то образом связана со мной. У меня сложилось впечатление, что во время моего отсутствия фюрер... решил в скором времени убрать и меня...»

Судебные разбирательства по поводу гомосексуализма были описаны фон Фричем в письме баронессе из Берлина, датированном 23 марта 1938 года: «...суд, которого я добивался, начался 3-го, затем – из-за событий в Австрии – был отложен до 17-го и проведен 17 – 18-го. Приговор гласил: «Признан невиновным в предъявленном обвинении и оправдан». Судьями были Геринг, Браухич, Редер и два старших члена военно-судебного управления. Учитывая факты, такой приговор был неизбежным. В конце концов чудесным образом суду удалось обнаружить парня, который свидетельствовал против меня. Даже Геринг был вынужден признать, что после такого разбирательства никто не поверит в мою виновность. В самом конце процесса главный свидетель, на показаниях которого было сфабриковано обвинение, признал, что все его заявления были сделаны под принуждением и являются чистой ложью... Подоплека этого дела мне стала абсолютно ясна, однако я не в состоянии защитить себя...»

Несмотря на оправдательный приговор, генерал-полковника фон Фрича освободили от обязанностей командующего и понизили в чине до полковника.

4 сентября 1938 года он написал: «...я дал герру Гитлеру мое слово чести касательно ложности этих обвинений. Герр Гитлер с легкостью пренебрег словом чести действующего главнокомандующего своей армией, поверив слову бесчестного негодяя. У него также не нашлось для меня ни единого слова извинений. Это угнетает меня более всего...»

Хотя последняя часть истории фон Фрича хронологически выпадает из нашего повествования, она стоит того, чтобы привести ее здесь. Вот что сказал фон Фрич баронессе накануне войны в августе 1939 года: «Мне нет места в Германии герра Гитлера ни в мирное, ни в военное время. Я иду на войну со своим полком в качестве мишени, так как не могу оставаться дома...»

Вскоре с польского фронта пришло последнее письмо баронессе, заканчивающееся словами: «Вероятно, это мое последнее письмо...»

Смерть фон Фрича описывалась по-разному. Самая распространенная версия: его убил выстрелом в спину кто-то из людей Гимmlера. Истину раскрывает один из адъютантов фон Фрича.

Фон Фрич отправился в Польшу командиром полка, носившего его имя. В разгар битвы на окраине Варшавы он с одним из своих адъютантов оказался далеко впереди части. Ситуация стала такой опасной, что адъютант в конце концов бросился в укрытие и крикнул Фричу: «Спасайтесь, полковник, спасайтесь!» Фон Фрич не остановился и через несколько секунд был тяжело ранен в бедро, а еще через несколько минут умер от потери крови, не получив медицинской помощи. Вот так погиб бывший главнокомандующий немецкой армией. Вместе с ним погибла активная, неудобная для гитлеровского рейха оппозиция офицерского корпуса. Военная верхушка оказалась униженной и беспомощной перед человеком, которого вначале презирала, но которому удалось в конце концов сломить ее.

В июне 1938 года состоялась последняя слабая попытка сопротивления нацистскому господству. Эту попытку предпринял генерал-полковник Бек, начальник штаба армии, талантливый и квалифицированный офицер, которого глубоко уважали в Генеральном штабе. На совещании высшего командования Гитлер представил план вторжения в Чехословакию в том случае, если не удастся разрешить судетский кризис путем политических переговоров. Бек представил докладную записку, в которой выступил против намеченных Гитлером действий. В записке не только доказывалась неосуществимость представленного плана, но и утверждалось, что в результате этой агрессии на Германию обрушится объединенная мощь Франции, Соединенных Штатов Америки и Великобритании, выстоять против которой у Германии нет ни одного шанса. Бек также повторил свое мнение о том, что Германия завершит перевооружение и сможет вести оборонительную войну с Францией не раньше 1943 года.

Большинство офицеров, занимавших ответственные посты в вермахте, в их числе фельдмаршал фон Рундштедт, подписали эту докладную. Гитлер отреагировал жестко и решительно. Он уволил Бека, не посоветовавшись с Генштабом, и продолжил претворять в жизнь свои планы по Чехословакии. В тот момент, не в пример Фричу, Бек не считал самоубийство единственным для себя выходом. Он воспользовался более ощутимой формой протеста и покончил жизнь самоубийством лишь после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. Но об этом позднее.

К чему же привела вакханалия отставок в командовании вермахта? Самым важным результатом было укрепление позиции Гитлера, как господствующей (не только политической, но и военной) силы в государстве. Гитлер с огорчительной легкостью нашел в Генеральном штабе замены уволенным командующим. А поскольку новые офицеры были назначены на свои посты на условиях Гитлера, их властные возможности сильно сократились.

Фельдмаршал фон Кейтель заменил фон Бломберга на посту главнокомандующего вермахта, но его полномочия были значительно урезаны. Гитлер, прежде номинальный верховный главнокомандующий как глава государства, теперь взял на свою личную ответственность все военные решения. Если воспользоваться знакомой аналогией, он совместил власть президента Рузвельта и военного министра Стимсона.

Преемником фон Фрича на посту главнокомандующего сухопутными войсками Гитлер выбрал фельдмаршала фон Браухича, более компетентного и вежливого, чем его предшественник. Хотя фон Браухич был очень популярен в Генштабе, Гитлер надеялся, что новый главнокомандующий будет более сговорчивым. Фон Браухич продержался на своем посту чуть больше трех лет и был отправлен в отставку в декабре 1941 года из-за разногласий с Гитлером по поводу стратегии войны в СССР. Тогда Гитлер добавил к своим постам еще и пост главнокомандующего сухопутными войсками. Этот беспрецедентный шаг предоставил Гитлеру неограниченную власть верховного главнокомандующего, военного министра и главнокомандующего сухопутными войсками. Если вернуться к нашему примеру, то он получил полномочия, соответствовавшие полномочиям президента Рузвельта, военного министра Стимсона и генерала Маршалла. Став в военном отношении единым в трех лицах, Гитлер неизбежно взял на себя личную ответственность за поражение Германии.

Легкость, с которой Гитлер сумел заполнить вакансии высших военных учреждений, продемонстрировала идеализм претензий немецкого Генерального штаба. Никогда высший генералитет не выступал единым фронтом против агрессивной политики Гитлера, которая вела страну к катастрофе. Лучшее, что они могли предложить, – отдельные протесты отдельных индивидуумов, с которыми Гитлер сумел расправиться поодиночке. Большая часть офицеров Генерального штаба оправдывала свою покорность двумя соображениями. Первое: традиционная воинская дисциплина и верность присяге не позволяли им выступать против политической власти, а, наоборот, заставляли принимать предложенные посты, когда их коллеги отправляли в отставку. Второе: долг перед немецким народом и мировым сообществом заставлял их оставаться в рядах вермахта и пытаться сохранять влияние Генерального штаба. Кажется, им никогда не приходило в голову, что стойкое сопротивление всех военных лидеров агрессивной политике фюрера могло бы обуздать честолюбие Гитлера и лишить его возможности расправляться с каждым из них в отдельности.

Вероятно, союз против Гитлера не состоялся по третьей причине, которую офицеры Генерального штаба никогда не приводят по собственной воле. Эта третья причина – честолюбие, плодородная почва для осуществления личных устремлений. Слишком часто возникает искушение оправдать честолюбие преданностью и тем самым замаскировать стремление к достижению личных целей. Прибавим к дисциплине страх, щепотку идеализма, щедрую горсть честолюбия и получим секрет бессилия немецкого офицерского корпуса перед безумными планами Гитлера по достижению мирового господства.

Глава 7

«СТРАННАЯ ВОЙНА»

Мюнхен подтвердил все доводы Гитлера. Британия и Франция уступили давлению Германии, и Судетская область была возвращена рейху. Офицеры, которых сильно тревожила стратегия Гитлера, были дискредитированы. Обескураженные, они отошли в тень и следили за дальнейшими политическими шагами, не смея вмешиваться. К тому времени они уже стали гораздо сговорчивее. Политические победы фюрера гораздо больше способствовали обращению в его веру офицерского корпуса, чем все пропагандистские усилия Геббельса. Вот что говорит по этому поводу генерал Варлимонт: «Оккупация Чехословакии весной 1939 года была практически политическим делом, не представлявшим ничего осо-

бенного в военном отношении. Однако интересно отметить, что этот шаг доказал неправоту возражавших против него работников Генерального штаба. С психологической точки зрения теперь стало гораздо легче управлять Генеральным штабом в подготовке военных действий против Польши. К тому же возвращение Данцига и воссоединение с Восточной Пруссией было целью всех немцев, даже Генерального штаба, как и предсказывал Фош. Непримируемая позиция Польши по вопросу пересмотра восточной немецкой границы налагала на Германию ограничения, подобных которым история не знала».

Насколько легко стало управлять Генеральным штабом в подготовке военных действий против Польши, со всей очевидностью иллюстрирует следующий факт. 3 апреля 1939 года верховное командование направило вооруженным силам директиву, в которой после ссылки на прежний приказ к подготовке оккупации Данцига следовало обсуждение «Белого плана», кодового названия германского вторжения в Польшу. В этой директиве говорилось: «Фюрер дополнил «Белый план» следующими пунктами: 1. Подготовка должна вестись таким образом, чтобы можно было приступить к военным действиям в любой момент начиная с 1 сентября 1939 года. 2. Верховному главнокомандованию вооруженными силами приказано составить для «Белого плана» точный график и скоординировать действия всех трех родов войск».

Если этого было недостаточно для того, чтобы убедить Генеральный штаб в стремлениях Гитлера к захватнической войне, неопровержимые доказательства представляет важное совещание, состоявшееся в кабинете Гитлера в рейхсканцелярии 23 мая 1939 года. Как и протоколы совещания 5 ноября 1937 года, на котором Гитлер изложил свое мнение по поводу мер, которые следует предпринять против Чехословакии, отчет об этом совещании не оставляет сомнений насчет намерений Гитлера относительно Польши.

На этом совещании присутствовали пятнадцать представителей сухопутных войск, военно-морского флота и военно-воздушных сил, включая Геринга, Редера, фон Браухича, Кейтеля, Гальдера и Варлимонта. После анализа политической ситуации Гитлер заявил, что причина конфликта с Польшей заключается не в Данциге, а в необходимости завоевания для Германии большего жизненного пространства и обеспечения ее продовольственными ресурсами.

«Польша видит опасность в немецкой победе на западе, – сказал фюрер, – и попытается украсть у нас эту победу. Следовательно, вопрос может быть решен единственным образом: мы должны атаковать Польшу при первой же благоприятной возможности. Нельзя допустить повторения ситуации с Чехословакией. Будет война. Наша задача: изолировать Польшу. Успех этой изоляции должен быть неопровержимым... Изоляция Польши – вопрос умелых действий...»

Затем Гитлер стал рассуждать, придут ли Великобритания и Франция на помощь Польше. Если не удастся изолировать Польшу, Гитлер предложил напасть сначала на Великобританию и Францию, сосредоточиться в основном на войне на западе, чтобы быстро разгромить Великобританию и Францию. Относительно реакции СССР в случае нападения на Польшу Гитлер заявил: «Вполне вероятно, что СССР продемонстрирует безразличие к уничтожению Польши». В заключение он подчеркнул, что война против Запада может продлиться от десяти до пятнадцати лет, и в расчете на это следует составлять планы. Как на совещании по Чехословакии, ни один из военных советников не возразил фюреру; покинув совещание, все занялись подготовкой к грядущей войне.

Похоже, ни один из высших офицеров не усомнился в способности Германии начать полномасштабную войну осенью 1939 года. Фон Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, явно полагал, что Германия справится с Францией, Британией и Польшей. Однако он предостерегал против включения в этот список СССР. С опасностью ведения войны на два фронта соглашались все. В тот момент с мнением фон Браухича согласился и

Гитлер. Он решил не настаивать на развязывании войны против Польши, пока не обезопасит границы с Советским Союзом. Результатом этого изменения в политической стратегии явился советско-немецкий пакт, позволивший Гитлеру претворять в жизнь свои планы на западе.

Не все генералы были уверены в победе над объединенными силами Франции и Британии, как фон Браухич. Среди тех, кого тревожила длительная война, были такие высокопоставленные генералы, как фон Швеппенбург, Варлимонт, фон Зальмут, Фельми и фон Вюхлиш.

Гитлер знал, что эти опасения разделяют и другие офицеры Генерального штаба, поэтому старательно доказывал, что Франция и Британия не вмешаются, если Германия нападет на Польшу. 22 августа 1939 года на совместном совещании генералов и офицеров Генерального штаба Гитлер объявил о своем окончательном решении начать войну против Польши. После совещания многие офицеры скептически качали головами, но, верные военной присяге, поспешили в войска планировать великое наступление.

Молниеносная военная кампания в Польше превзошла самые оптимистичные надежды Гитлера и его генералов. Вмешательство фюрера в планирование не имело первостепенного значения, не оказывало серьезного влияния на военные действия, успешные во всех отношениях. Быстрая победа на востоке была достигнута при попустительстве врагов Германии на западе. Опасаясь вмешательства французов, немцы выставили против линии Мажино двадцать три дивизии, но французы не тронулись с места, и Польша была побеждена. В нашей истории разгрома Германии польская кампания не играет заметной роли.

Правда, как только Польша капитулировала, Генеральный штаб вспомнил об осторожном подходе к военным действиям. В своей докладной записке генерал Генрих фон Штюльпнагель, заместитель начальника штаба армии, убеждал, что наступательная война против Франции пока невозможна. Генерал Варлимонт лихорадочно собирал факты, пытаясь доказать, что экономика Германии позволяет ей лишь защищать свои границы. Даже фон Браухич, вначале дававший очень оптимистичные советы, теперь энергично возражал против крупномасштабного наступления на западе. Видимо, его возражения базировались на том, что еще не пришло время для крупного наступления; прежде чем нападать на западные державы, следует основательно подготовиться. У Гитлера были совсем другие планы: атаковать немедленно, до зимы разгромить Францию и быстро закончить войну. Гитлеру не удалось настоять на своем, и это вылилось в так называемую «странную войну» зимних месяцев 1939 – 1940 годов. То, что происходило за немецкой линией фронта в период этого затишья, когда весь мир затаился в ожидании долгих, унылых лет окопной войны, детально описывает генерал Варлимонт: «После разгрома польских армий фюрер вернулся в Берлин и уже в сентябре 1939 года собрал в рейхсканцелярии главнокомандующих сухопутными войсками, флотом, авиацией и ближайших советников, чтобы объявить о своем решении напасть на Францию и разгромить ее до конца осени 1939 года. (В качестве памятки Гитлер использовал записи на клочках бумаги, которые после совещания сжег в камине.) Все приготовления следовало завершить за шесть недель к началу ноября. Я уже не помню деталей директив и распоряжений фюрера; речь шла об обходе самых укрепленных частей линии Мажино на севере, что повторяло наступление Первой мировой войны через Бельгию, однако в этот раз включало Маастрихтский район Нидерландов. Никаких возражений не последовало.

Поскольку планов не существовало, в расстановке войск полагались на импровизацию. Пока войска двигались на запад, армейский генерал Штафф пришел к выводу, что первый приказ пересечь франко-германскую границу должен быть отдан за семь дней до дня «Икс». Генерал Браухич прибыл в рейхсканцелярию и потребовал встречи с фюрером наедине. Это случилось в воскресенье в начале ноября 1939 года. Я случайно находился в рейхсканцелярии, замещая заболевшего генерала Йодля. Браухич уехал буквально через полчаса, и к

фюреру вызвали Кейтеля. Позже Кейтель рассказал мне, что Браухич сообщил о разговорах с армейскими командирами во время только что завершённой им поездки на запад. Браухич пытался убедить Гитлера в том, что его намерение атаковать Францию неосуществимо, по меньшей мере, осенью 1939 года.

Когда Браухич упомянул о том, что подготовка немецкой пехоты seriously не дотягивает до уровня Первой мировой войны, Гитлер, гордившийся немецкой молодёжью, воспитанной в духе национал-социализма, а потому глубоко оскорблённый, грубо прервал Браухича и запретил ему продолжать доклад.

Возмущение фюрера было столь велико, что он даже забыл отдать приказ о начале военных действий. После ухода фюрера я напомнил Кейтелю, что приказ должен быть готов к часу дня. Кейтель бросился вслед за фюрером и, вернувшись, сказал, что приказ следует отдать немедленно, назначив наступление ориентировочно на 12 ноября. Передав приказ по телефону в штаб Браухича, я попросил прислать письменное подтверждение, поскольку этот приказ вызвал там недоумение, ведь их главнокомандующий только что докладывал фюреру...

Два дня спустя из-за неблагоприятного метеорологического прогноза наступление пришлось отложить. В это время года в Центральной Европе погода всегда плохая, особенно на западе. Очень точные и подробные прогнозы ежедневно представлялись армиями запада и подтверждались метеосводками военно-воздушных сил, пока ещё не попавших под подозрение Гитлера. И все же Гитлер сомневался в том, что погодные условия, а не сопротивление, открыто выраженное Браухичем, являются причиной отсрочки операции. Трёхдневный, затем пятидневный интервалы между решениями вызывали постоянное беспокойство и отвлекали от важных проблем, подрывали и без того небольшое доверие Генерального штаба к верховному командованию. Более того, явно происходила утечка информации, ибо несколько раз враг узнавал о наших решениях.

Примерно в то же время я попытался повлиять на ход событий, инициировав переговоры с западными державами через короля Бельгии. Дата наступления откладывалась каждые несколько дней до середины декабря, а потом пришлось принимать во внимание другие обстоятельства...»

Итак, даже в первые дни войны Гитлер оказывал непосредственное влияние на военные действия и руководил ими. Однако в 1939 году он ещё воспринимал отличную от своей точку зрения: противодействия генералов и непогоды оказалось достаточно, чтобы заставить его изменить решение о зимнем наступлении. Но во время войны он всё меньше полагался на своих советчиков, пока в конце концов полностью не оградился от всех и стал действовать деспотично на основании лишь собственной интуиции.

Вторжение в Норвегию было в основном морской операцией с участием малых сухопутных сил. Похоже, Генеральный штаб считал эту затею слишком рискованной, но Гитлер, опасавшийся, что Англия разместит в Норвегии военно-воздушные и военно-морские базы, настаивал на вторжении. Успех норвежской кампании вряд ли важен для нашего повествования о разгроме Германии, но, чтобы не нарушать последовательность событий, следует привести причины, побудившие Германию к нападению 9 апреля 1940 года. Адмирал Кранке, командовавший в 1940 году кораблем «Адмирал Шеер», а в 1943 году отвечавший за организацию морской обороны Западной Европы, написал краткий отчет о военно-морской стратегии Германии. Вот что он пишет о Норвегии: «Вероятность того, что Англия, как в 1918 году, перекроет подступы к Атлантике и разместит в Норвегии войска для прикрытия авиабаз, привела нас к решению противодействовать этому, оккупировать Норвегию и таким образом получить доступ к Атлантике. Мы надеялись достичь наших военных целей, не прибегая к масштабным военным операциям, не развязывая войну с Норвегией и не посягая на ее политическую свободу. Информация о том, что у Англии подобные же намерения и она

легко может нарушить границы норвежских территориальных вод, как в инциденте с судном «Альтмарк», прояснила истинные отношения между Норвегией и Англией. Мы подготовили норвежскую кампанию. Действительно, для операции было достаточно небольших сухопутных сил, однако осуществить ее было возможно лишь при взаимодействии всего немецкого военного флота и верховного командования.

Верность решения подтвердилась, когда, заложив мины в норвежских территориальных водах, англичане предприняли попытку вторжения, но отошли, увидев немецкие военные корабли. Документы, захваченные позже в Лиллихаммере, полностью это подтвердили. Успех норвежской кампании, несмотря на временные неудачи в Нарвике, устранил минную опасность на море и угрозы со стороны Скандинавии и Дании».

Однако мнение о том, что союзники собирались оккупировать Норвегию, опередив немцев, было аргументированно опровергнуто в единодушном вердикте Нюрнбергского трибунала. Там отмечено, что одновременно с окончательным приказом о вторжении в Норвегию в дневнике военно-морского штаба за 23 марта 1940 года было записано: «Массовое вторжение англичан в норвежские территориальные воды... в настоящее время не ожидается». И еще одна запись адмирала Ассмана 26 марта: «Высадка британцев в Норвегии маловероятна». Подводя итог обсуждению событий, которые привели к нападению на Норвегию и Данию, Нюрнбергский трибунал делает вывод: «В свете всех доступных свидетельств невозможно согласиться с тем, что вторжения Германии в Данию и Норвегию носили оборонительный характер; по мнению трибунала, они являются актами наступательной войны».

Глава 8

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ

Отложив крупномасштабное нападение на западе до зимы 1939 года, Гитлер обратился к плану преодоления линии Мажино. Этот план был разработан Генеральным штабом под руководством фон Браухича и начальника штаба Гальдера. В операции должны были участвовать не менее четырех армейских группировок; группа армий «Б» под началом фон Бока на правом фланге напротив Нидерландов, группа армий «А» фон Рундштедта в центре напротив Арденн и группа армий «Ц» фон Лееба на левом фланге напротив Саара. В резерве оставалась танковая армейская группировка фон Клейста. Всего предстояло задействовать около 150 пехотных и 10 бронетанковых дивизий.

Предложенный план был модифицированным вариантом классической операции фон Шлиффена, которая при небольшой правке могла бы оказаться успешной в начале Первой мировой войны. Главная роль отводилась правофланговой группе армий фон Бока. Наступая широким фронтом, фон Бок должен был пройти через Нидерланды. Но прежде чем план был претворен в жизнь, фюрер выдвинул альтернативный план, автором которого был генерал фон Манштейн, начальник штаба группы армий «А». По новому плану решающий удар приходился не с северного фланга на Бельгию, а в центре фронта через Арденны.

Фон Манштейн представил убедительные аргументы в поддержку своего плана. Наступление через Нидерланды слишком сильно напоминало операцию 1914 года и вряд ли застало бы противника врасплох; в Бельгии немцам пришлось бы вести решающие сражения против британцев, более упорных, чем французы. К тому же равнинная местность Голландии и Бельгии, пересеченная бесчисленными каналами и реками, затрудняла применение крупных бронетанковых соединений.

Преимущество своего плана фон Манштейн обосновывал тем, что трудности использования танков в лесистых Арденнских горах будут компенсированы абсолютной внезапностью, а вырвавшись из Арденнских теснин и форсировав реку Мез (Маас) у Седана, немецкие танки быстро пройдут по холмистым полям Северной Франции.

Фон Браухич и Гальдер с прохладцей отнеслись к плану фон Манштейна. Особенно возражал Гальдер, возможно, не потому, что план был неосуществимым, а потому, что не ладил с фон Манштейном.

Однако чем дольше Гитлер изучал предложения фон Манштейна, тем больше они ему нравились. В конце концов фюрер решил отвергнуть первоначальный план и принять план фон Манштейна. Разумеется, это решение вызвало негодование разработчиков первого плана и офицеров армейской группировки фон Бока, которой теперь отводилась вспомогательная роль, в то время как группа армий фон Рундштедта играла первую скрипку. Не имея возможности выразить возмущение самому фюреру, верховное главнокомандование сочло необходимым продемонстрировать свое недовольство фон Манштейном, который, обратившись лично к фюреру, нарушил субординацию. Фон Манштейна сместили с должности начальника штаба фон Рундштедта и назначили командующим корпусом, который вообще не был задействован в его плане. Как видите, отношения в «семье» офицеров, начавших 10 мая 1940 года наступление на западе, нельзя назвать счастливыми и гармоничными.

Главным военным персонажем первого и последнего годов войны, несомненно, был фельдмаршал Герд фон Рундштедт. Именно ему было поручено вести немецких солдат к самой славной победе и к их самому сокрушительному поражению. В нем воплотился образ профессионального, консервативного аристократа-полководца, по которому Генштаб кроил своих офицеров. А раз так, то необходимо рассказать о нем подробнее.

Испещренное морщинами лицо фон Рундштедта словно не имело возраста. Прямой нос, длинные, тонкие губы и решительный подбородок говорили о бесчувственности и безжалостности. Казалось, это лицо высечено из глыбы гранита. Лишь яркие, светящиеся умом глаза да редкая мимолетная улыбка подтверждали, что это все же живой человек. Внешность фон Рундштедта не только наводила на мысли о камне, но и позволяла сделать вывод о силе его духа. Эта аналогия с гранитом не должна удивлять нас, ибо только такой человек мог выдержать страшные удары судьбы, сыпавшиеся на него со всех сторон.

К началу Второй мировой войны Герд фон Рундштедт, родившийся в 1875 году в аристократической прусской семье с давними военными традициями, уже переступил шестидесятилетний рубеж. В 1932 году он получил самый важный в немецкой действующей армии пост командующего группой армий «I», контролировавшей Берлин и Бранденбург. За власть над его войсками отчаянно боролись политики, интригуя и не пренебрегая убийствами, а он, как автомат, подчинялся приказам тех политических лидеров, которые одерживали верх в данный момент. Он не подвергал сомнению содержание или правомочность получаемых приказов. По приказу канцлера фон Папена войска фон Рундштедта разогнали социал-демократическое правительство Пруссии; его солдаты равнодушно наблюдали, как Гитлер брал власть, распускал рейхстаг и уничтожал Веймарскую республику, так как против этого не возражал президент фон Гинденбург. Фон Рундштедт бездействовал во время кровавой бойни в июне 1934 года, когда были убиты лидер штурмовиков Рем и генерал вермахта фон Шлейхер, потому что так приказал фюрер. Образцовый аполитичный солдат, исполняющий свой долг. Невозможно сказать, подчинялся бы фон Рундштедт столь же беспрекословно, если бы события приняли другой оборот и восторжествовала бы республика, однако точно известно, что, презирая манеры и амбиции нацистов, он никогда не уважал Веймарскую республику и ее лидеров. Он просто выбирал наименьшее зло. Вероятно, обещания освободить Германию от оков Версаля и создать сильный вермахт хватило, чтобы склонить чашу весов в пользу Гитлера.

Последующие несколько лет были счастливыми для генерала: увеличение численности и перестройка армии шли самыми быстрыми темпами. Фон Рундштедт уделял особое внимание модернизации оружия и обучению пехотинцев. Он понимал необходимость тесного сотрудничества между бронетанковыми войсками и пехотой, однако настаивал на

большей важности последней в любых сражениях. Его теории внесли громадный вклад в создание эффективной военной машины, сокрушавшей всякое сопротивление в первые дни войны.

Отставки фон Фрича и фон Бломберга в 1938 году пробили первую брешь в его молчаливом потворстве Гитлеру. Он высказал лично фюреру свое несогласие с несправедливостью по отношению к фон Фричу, но его протест не был удовлетворен. Когда Бек представил свои возражения против предполагаемого вторжения в Чехословакию, фон Рундштедт был одним из тех, кто подписал докладную записку. Когда осенью 1938 года оккупация Судетской области доказала ошибочность его мнения, он подал прошение об отставке на основании преклонного возраста. Просьбу удовлетворили, но в августе 1939 года перед самым началом войны фон Рундштедта вернули в армию и назначили командовать армейской группировкой на польском фронте. Он не смог проигнорировать призыв к оружию и, верный долгу патриота и солдата, снова надел военный мундир.

В мае после блестящих побед в Польше фон Рундштедт оказался на краю Арденн, готовый выполнить личное распоряжение Гитлера – сыграть главную роль в завоевании Франции. Военные эксперты высоко оценили его действия. Прорыв линии Мажино навсегда останется классическим примером использования бронетехники и пехоты в наступательной операции. План фон Манштейна сработал точно, как и предсказывалось. Войска союзников, выступившие навстречу группе армий фон Бока в Бельгии, вдруг обнаружили, что танки фон Рундштедта прошли Арденны и форсировали Мез у Седана. Французы, захваченные врасплох на благоприятной для бронетанковых соединений местности к западу от Меза, не смогли остановить продвигавшихся к Ла-Маншу немцев. По мере того как германская бронетехника уходила вперед, ее сменяла моторизованная пехота, удерживавшая завоеванные танками позиции. Эта тактика произвела революцию в военном мышлении и продемонстрировала союзникам методы, воспользовавшись которыми они впоследствии разгромили своих учителей. Бронетанковые соединения фон Рундштедта прижали к берегу Ла-Манша и разрезали пополам левый фланг союзников, укомплектованный в основном британцами. Все попытки британцев уничтожить вклинившегося противника и вырваться из капкана закончились провалом; оставался единственный выход – эвакуация из Дюнкерка. До этого момента победы Германии молниеносно сменяли одна другую. Теперь пришло время поражений. Свое первое поражение Гитлер потерпел в Дюнкерке. Кто имеет большее право утверждать это, чем сам фон Рундштедт!

В личной беседе в октябре 1945 года фельдмаршал фон Рундштедт печально заметил:

«Для меня Дюнкерк был одним из важнейших переломных моментов войны. Если бы мне дали свободу действий, англичанам не удалось бы так легко бежать из Дюнкерка. Но мои руки были связаны прямыми приказами фюрера. Пока англичане карабкались на свои корабли, меня удерживали за пределами порта. Я рекомендовал верховному главнокомандованию немедленно послать пять моих танковых дивизий в город, чтобы уничтожить отступавших англичан, но получил недвусмысленный приказ лично от фюрера: не атаковать ни при каких обстоятельствах. Мне категорически запретили приближаться к Дюнкерку ближе чем на десять километров и разрешили использовать лишь пушки среднего калибра.

Этой грубейшей ошибкой мы обязаны личным представлениям Гитлера о военном искусстве. Получая ежедневно сводки о танковых потерях, фюрер с помощью простого вычитания пришел к выводу, что в данный момент у нас недостаточно бронетехники для нападения на англичан. Он не понимал, что многие танки, отмеченные в сводках подбитыми, ремонтные бригады без особых усилий в кратчайшее время вновь вводили в строй. Вторая причина ошибочного решения Гитлера состоит в том, что на его берлинской карте местность вокруг порта казалась затопленной и непроходимой для танков. По этим двум причинам, учитывая к тому же еще не разгромленные французские армии на юге, Гитлер решил, что

цена атаки будет слишком высокой, и приказал моим войскам накапливать силы для наступления на Францию в южном направлении с конечной целью захвата Парижа и полного разгрома французов».

Прежние успехи Гитлера-стратега стали приносить гнилые плоды. Фон Рундштедт уверял, что способен победить англичан в Дюнкерке, но его мнением пренебрегли в угоду личному мнению и интуиции фюрера. Так человек, изучая карту за сотни миль от полей сражений и отвергнув совет своего самого блестящего полевого командующего, изменил ход истории. «Чудо Дюнкерка» теперь кажется еще более предопределенным, чем мы думали прежде⁶.

Едва высохли чернила на подписанных в Компьене документах о безоговорочной капитуляции Франции, немецкое верховное командование приступило к разработке еще более грандиозной и важной военной операции – вторжению в Англию. Немцы весело распевали «Wir fahren gegen England» («Мы выступаем против Англии»), однако штабисты не разделяли уверенности поэтов-песенников. Неожданная победа застала их врасплох. Они готовились к долгой, изнурительной войне на западе, скорый успех превзошел их самые оптимистические ожидания. Теперь они столкнулись с совершенно новой проблемой, не имевшей прецедентов. Для подготовленной к сухопутным действиям немецкой армии даже узкий Ла-Манш представлял труднопреодолимую преграду; на адаптацию требовалось время. Все понимали, что непобежденная Англия представляет серьезную угрозу, и проблему надо решать радикально. Гитлер приказал фон Рундштедту готовить группу армий «А» к планируемому вторжению. Операции дали красноречивое кодовое название «Морской лев» («Зее-леве»).

Мнения работников Генштаба насчет возможности форсирования Ла-Манша и вторжения в Англию разделились. Некоторые убеждали, что попытаться стоит, но большинство офицеров, консервативное большинство, считали момент неподходящим. Обеспечение снаряжением и переброска морского десанта требовали значительного времени. Англичане наверняка будут ожесточенно сражаться с любым десантом, а численность их сухопутных сил точно неизвестна. Нельзя было забывать о военно-воздушных и военно-морских силах Великобритании. Для успеха этого рискованного предприятия необходимо было выполнение трех условий: полное превосходство в воздухе, благоприятная погода и защита флангов зоны вторжения минами и военными кораблями. На допущении о выполнении всех трех условий Генеральный штаб разрабатывал план, который оставался постоянным лишь в общих чертах. Изменения вносились так часто, что изложить этот «план вторжения» невозможно, ясна лишь общая идея претворения в жизнь этого плана.

Генерал-полковник Франц Гальдер, сменивший Бека в должности начальника штаба сухопутных сил, последние годы войны провел в концентрационном лагере за то, что осмелился возражать Гитлеру по поводу военных действий в СССР. Он обрисовал контуры операции «Морской лев». Отрывки из его доклада дают представление о полном плане: «Для

⁶ Вопрос о том, кто приказал немецким танкам остановиться, не доходя до Дюнкерка, яростно обсуждается немецкими генералами и историками. Из военных дневников группы армий «А» фон Рундштедта следует, что 23 мая 1940 года еще до разговора с Гитлером он уже отдал своим бронетанковым частям приказ остановиться. Собирался ли он вновь двинуть их в наступление на следующий день или 25 мая, неизвестно, потому что после разговора с фон Рундштедтом 24 мая Гитлер приказал не выдвигать танки за линию канала Ланс – Бетюн – Эр – Сент-Омер – Гравлин. Приказ продолжать наступление пришел лишь вечером 26 мая. В военных дневниках фон Рундштедта за 24 мая есть запись: «По приказу фюрера линию канала не пересекать». Подталкивал ли фон Рундштедт к этому решению Гитлера, или Гитлер принял это решение вопреки совету фон Рундштедта? Фон Рундштедт, чьи свидетельства по другим вопросам были чрезвычайно надежны, повторил эту историю Лидделу Гарту (Говорят немецкие генералы. Нью-Йорк, 1948. С. 112 – 113) и перед Нюрнбергским военным трибуналом. Уильям Ширер считает, что фон Рундштедт должен разделить с Гитлером вину за это решение (Возвышение и крах третьего рейха. Нью-Йорк, 1960. С. 731. В серии «Мир в войнах», Москва: Олимп; Смоленск: Русич, 1998, эта книга Ширера названа «Крах нацистской империи». – *Примеч. пер.*). Того же мнения придерживается майор Л.Ф. Эллис (Война во Франции и Фландрии. Лондон, 1953. С. 138).

вторжения в Англию планировалось использовать три армии, дислоцированные вдоль побережья Ла-Манша от Гавра до Голландии. Эти три армии составляли армейскую группировку под командованием фон Рундштедта. В армиях и военно-морских частях в устьях Рейна, Меза и Шельды строились транспортные и десантные суда, готовилось десантное снаряжение и другие необходимые средства. То же самое происходило на французском побережье в районах дислокации 6-й и 9-й армий; там же проводились специальные тренировки десантных войск. Даже тогда едва ли можно было представить ясную и полную картину всех приготовлений.

Общая численность немецких войск, которые предполагалось задействовать в операции «Морской лев», поначалу составляла от двадцати до двадцати шести дивизий, включая моторизованные соединения. Этого было бы вполне достаточно, так как им понадобилось бы несколько недель для форсирования Ла-Манша. Если бы в этот период понадобились дополнительные формирования, времени для их обучения хватило бы, так как на континенте не было военной силы, способной противостоять нам. Проблема сводилась к транспортировке войск.

Задачу группы армий фон Рундштедта определили примерно так: высадиться на южном побережье Англии между Дувром и Портсмут, разгромить сопротивляющиеся британские части и, постепенно продвигаясь на север, оккупировать территории между южным побережьем и рубежом Мидхерст – Гилфорд – Норт-Дауне (Северные Холмы, возвышенность в северной части графств Кент и Суррей. – *Примеч. пер.*), которые станут плацдармом для последующих операций.

Никаких распоряжений относительно дальнейших действий не было и не могло быть, так как последующие задачи зависели от результата описанной операции. Еще одним препятствием к перспективному планированию был тот факт, что военные действия на широких пространствах должны были проводиться мощными моторизованными соединениями, а никто не мог предсказать, сколько их удастся перебросить по морю. Прежде чем планировать стратегические задачи, следовало надежно обеспечить снабжение этих моторизованных соединений.

В общих чертах дальнейшая задача была сформулирована так: оккупация южной Англии примерно до рубежа Глостер – Оксфорд – Харфорд – Мальдон. Я не уверен, что упоминались именно эти названия; они использованы для того, чтобы очертить территорию до сужения Англии между устьями рек Темза и Северн, включающую Лондон. Именно эта территория имела в виду...

Ограничение зон высадки на востоке и западе было весьма нежелательным, но неизбежным из-за недостатка средств нападения на Дувр и Портсмут с моря и даже для нейтрализации этих портов. К тому же на первом этапе не хватало транспортных средств для десантирования более широким фронтом. Дувр предполагалось захватить внезапной атакой с суши сразу после высадки первого десанта. Портсмут также предписывалось захватить с суши, но позже, во время стратегического развертывания...

Лондон практически не обсуждался, так как это была очевидная главная цель... Я полагал, что наши сравнительно малые силы (малые относительно поставленной задачи) позволят нам лишь изолировать столицу от остальной Англии. Для этого было необходимо окружить Лондон с севера, как только Темза будет форсирована к западу от города достаточными для окружения силами...

Операция была разделена на три этапа. Первый этап представлял собой форсирование тремя волнами. Первую волну должны были сформировать быстрые десантные суда, спущенные с морских кораблей в прибрежной зоне обороны. Во вторую волну входила основная часть десантных судов, одни из которых могли медленно двигаться на собственной тяге,

другие – на буксире. В третью волну должны были войти большие морские суда с основной массой войск, включая танки, инженерные части, связистов и так далее...

На втором этапе обеспечивалась переброска танковых и моторизованных дивизий с территории Дании и дополнительных пехотных дивизий с французского побережья. На третьем этапе предусматривалась дальнейшая переброска пехотных дивизий и материальных ресурсов для создания складов-баз. Детали второго и третьего этапов должны были разрабатываться после того, как выяснится, сколько морских судов останется в наличии после первого десанта».

Отсюда видно, что план был разработан достаточно детально. Он даже включал учреждение Контрольной комиссии как гражданского правительства Британии.

1 августа 1940 года Гитлер издал следующую директиву:

«Фюрер и верховный главнокомандующий

вооруженными силами

Ставка фюрера

1 августа 1940 года

ДИРЕКТИВА № 17

**О ведении воздушной и морской войны
против Англии**

С целью окончательного разгрома Англии я принял решение продолжать и активизировать военные действия против Англии в воздухе и на море.

Для этого я приказываю:

1. Немецким военно-воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить ВВС Англии.

В первую очередь уничтожать самолеты в воздухе, их наземные базы и склады, а также промышленные комплексы, включающие производителей зенитных средств.

2. По достижении временного или локального превосходства в воздухе продолжать атаки на гавани, уделяя особое внимание продовольственным складам, особенно продовольственным складам в Лондоне.

3. Нападения на военные и торговые корабли имеют второстепенное значение и должны предприниматься только в тех случаях, когда они представляют особенно удобные цели для усиления эффективности в рамках пункта 2 или для дополнительной тренировки экипажей самолетов.

4. Усиленную воздушную войну планировать таким образом, чтобы в любой момент можно было привлечь достаточное число самолетов к выгодным, внезапно появляющимся целям.

Кроме того, авиация должна сохранить боеспособность для операции «Морской лев».

5. Я оставляю за собой право на акции устрашения в качестве ответных мер.

6. Усиление воздушной войны можно начать 5 августа 1940 года.

Точную дату назначит штаб военно-воздушных сил в зависимости от времени завершения подготовки и погодных условий. Одновременно объявить военно-морскому флоту о запланированной активизации военных действий на море.

Гитлер».

Примерно через месяц, 3 сентября 1940 года, фельдмаршал Кейтель разослал приказ, в котором ориентировочной датой вторжения называлось 21 сентября. Безусловно, это была приблизительная дата; войска следовало оповестить за десять дней, то есть 11 сентября, если дата вторжения затем будет подтверждена.

Несмотря на разработку деталей, в подготовке операции не чувствовалось энтузиазма. Похоже, Гитлер испытывал сомнения. Во многом в этой сдержанности виновата оценка боеспособности англичан: фон Рундштедт признал, что Англия в тот момент была для немцев «сфинксом». Не было надежной информации, разработчики плана получали от разведотделов приблизительные оценки. Разведчики предупреждали о высокой боеспособности английских ВВС и всемогуществе английского военного флота. Их характеристика британского солдата, основанная на опыте сражений во Франции, была сильно приукрашенной. Приводим отрывок этой характеристики:

«Английский солдат находился в прекрасном физическом состоянии. Он переносил ранения со стоическим спокойствием. Боевые потери он обсуждал абсолютно хладнокровно. Он не жаловался на лишения. В бою он был тверд и упрям. Его уверенность в окончательной победе Англии непоколебима.

Английский солдат всегда проявлял лучшие воинские качества. Безусловно, территориальные дивизии (территориальные войска – резерв первой очереди сухопутных войск. – *Примеч. пер.*) уступают в подготовке регулярным войскам, однако этот недостаток компенсируется их высоким боевым духом. В обороне англичанин стойко переносил удары противника. В период боевых действий с англичанами 4-й армейский корпус взял в плен меньше солдат, чем в боях с французами или бельгийцами. С другой стороны, потери с обеих сторон были огромными».

Немецкая разведка ошибалась и в количестве английских солдат. Приведем оценку противника из директивы фон Рундштедта по группе армий «А» в начале сентября 1940 года:

«1. Противник: оценка дислокации английской армии на начало сентября:

а) Использование семнадцати дивизий для обороны побережья. Тесное взаимодействие этих дивизий с береговой патрульной службой, военно-воздушным и военно-морским флотами.

б) Двадцать две дивизии тактического и оперативного резерва в районе Лондона. Их задача: отражать нападение противника контратаками...»

Неудивительно, что, оценивая потенциальные силы англичан в тридцать девять дивизий, Генеральный штаб не решался осуществлять вторжение через Ла-Манш всего двадцатью шестью дивизиями. О том, что в тот период в Англии не было таких фантастических сил, уже говорил Уинстон Черчилль⁷.

Около сотни танков и две-три укомплектованные дивизии – вот и все, чем располагала Англия в те дни. Правда, в Британии были миллионы отважных мужчин с вилами, готовых защищать свои дома. Когда речь идет о войске, вынужденном бросить оружие на пляжах Дюнкерка, оценить его численность в тридцать девять прекрасно вооруженных дивизий по 15 тысяч солдат в каждой – полный абсурд. Немецкая разведка начинала демонстрировать, чего она в действительности стоит.

Одним из самых убежденных скептиков был фон Рундштедт. Хотя он получил приказ командовать операцией, но больше всех сомневался в ее успехе:

«Предполагаемое вторжение в Англию было вздором, поскольку мы не имели необходимых транспортных средств. Главным образом это были баржи, которые должны были привести из Германии и Нидерландов. Затем их следовало оборудовать носовыми аппаратами

⁷ 23 апреля 1942 года премьер-министр Черчилль сказал: «Более того, в 1940 году вторжение 150 тысяч отборных солдат оказалось бы губительным для нашей страны» (Речи на секретных совещаниях. Лондон, 1946. С. 52).

для спуска танков и другой техники, обучить войска подниматься на борт и выгружаться на берег. Мы относились к этому как к игре, поскольку было ясно, что вторжение немыслимо, если наш флот не в состоянии форсировать Ла-Манш и доставлять подкрепления. И немецкая авиация была неспособна выполнить эти задачи, если бы их не смог выполнить флот.

Вероятно, мы бы справились, но как сложилась бы ситуация с подкреплениями и снабжением – другой вопрос. Существовала и еще одна трудность. Баржи пришлось бы буксировать, а это возможно только при приливе. Если бы что-то случилось в пути и я потерял бы один-два часа, нас застиг бы отлив и мы застряли бы на некотором расстоянии от английского побережья. Я всегда скептически относился к этой операции. Должен признать, что велась серьезная подготовка, однако в то время у нас было очень мало парашютно-десантных войск – одна воздушно-десантная дивизия.

У меня было ощущение, что на самом деле фюрер никогда не хотел вторгаться в Англию. Ему не хватало смелости. Он обычно говорил: «На суше я герой, но на воде я трус». Гитлер явно ожидал от англичан мирных инициатив. А позже уже было бессмысленно пытаться осуществить вторжение, потому что англичане стали слишком сильны».

Действительно ли высказывались серьезные возражения против вторжения в Англию в конце лета 1940 года? Если бы немецкий Генеральный штаб знал истинную численность сухопутных сил Британии в тот период, настоял бы он на другом варианте развития событий? Возражения редко влияли на решения Гитлера прежде, не повлияли и в этом случае. Истинной причиной того, что Германия не форсировала Ла-Манш, была твердая уверенность Гитлера в его способности договориться с Англией. Он и представить себе не мог, что после падения Франции англичане продолжат борьбу. Если не принимать это объяснение, то остается ряд совершенно нелогичных и необъяснимых событий.

Заявление фон Рундштедта о том, что Гитлер «ожидал от англичан мирных инициатив», подтверждается генералом Гюнтером Блюментритом, который во время битвы в Нормандии был начальником штаба фон Рундштедта. Полный антипод фон Рундштедта по внешности и по характеру, Блюментрит обладал качествами, которых не хватало фон Рундштедту. Командующий был молчалив, Блюментрит – словоохотлив; фон Рундштедт – холоден и бесстрастен, Блюментрит – добродушен; фон Рундштедт занимался общими вопросами, Блюментрит терпеливо копался в деталях. Его смуглое, широкое и выразительное лицо контрастировало с бледным, худым, невозмутимым лицом фон Рундштедта. Вместе они составляли прекрасную команду. Если бы им разрешили вести войну по-своему, они еще долго одерживали бы победы.

В 1940 году Блюментрит был начальником штаба фон Рундштедта, и потому его рассказ о том, что происходило после падения Франции, очень важен. По словам Блюментрита, в Сен-Жермен, где расположилась группа армий «А», жизнь для завоевателей была райской. Все надеялись на мир и не воспринимали всерьез вероятность жестоких сражений. Правда, вроде бы планировалась отправка армий в Англию, но к этому не относились серьезно. Фон Рундштедт никогда не посещал штаб, где разрабатывался план, не инспектировал районы, где собиралось снаряжение для вторжения, войска, готовящиеся к операции.

По мнению Блюментрита, такое прохладное отношение командующего объясняется не только военными трудностями операции, но и политической обстановкой за несколько дней до и сразу после падения Франции. Старшие офицеры чувствовали, что в достижении своих политических целей Гитлер полагается на блеф. Это ощущение появилось во время событий 1939 – 1940 годов, когда войска, дислоцированные в Рейнской зоне, поднимались по тревоге для нападения на Францию не менее одиннадцати раз. Если иногда причиной приведения войск в боевую готовность были ссоры Гитлера с Генеральным штабом, в других случаях это делали, чтобы сбить с толку войска союзников. Поскольку обман был одним из главных орудий Гитлера, неудивительно, что многие военачальники считали приготовления к втор-

жению средством, используемым для того, чтобы запугать Англию и заставить ее пойти на мирные переговоры.

«Приказ Гитлера, запретивший нам атаковать англичан в Дюнкерке, убедил многих в том, что фюрер верит: англичане пойдут на мирные переговоры, – сказал Блюментрит. – Я разговаривал с несколькими офицерами люфтваффе, все они говорили, что Гитлер запретил массированные налеты на корабли, вывозившие англичан из Дюнкерка. Эта позиция фюрера прояснилась для меня на его встрече с небольшой группой офицеров сразу после прорыва во Францию. Совещание состоялось в Шарлевиле в ставке группы армий. Гитлер был возбужден и обсуждал с нами свои политические замыслы. Он сказал, что очень доволен ходом наступления, которое превзошло его самые смелые ожидания. После падения Франции останется лишь Англия.

Гитлер объяснил, что, по его мнению, в данный период существуют две фундаментальные структуры, которые следует считать краеугольными камнями западной цивилизации: католическая церковь и Британская империя. Власть и сила этих двух структур должны восприниматься как существующий факт, долг Германии – сохранить их, поэтому нужно как можно скорее заключить мир с Англией. Гитлер хотел предложить Англии великодушные условия и даже отказаться от своих притязаний на колонии. Разумеется, Англии пришлось бы распустить или серьезно уменьшить свои вооруженные силы; но в награду за такую уступку Гитлер готов был разместить в Англии десять дивизий, чтобы помочь британскому правительству обеспечивать безопасность Соединенного королевства. После того как мы своими ушами слышали эти теории фюрера, вряд ли нас можно винить за то, что мы не верили в серьезность вторжения в Англию».

Если у кого-то еще остаются сомнения насчет цели перелета Рудольфа Гесса в Англию, то позиция фюрера может пролить свет на эту тайну. Несомненно, Гитлер не был единственным высокопоставленным нацистом, верящим в то, что Англия готова обсудить с Германией условия мира. Пожалуй, не найдется лучшей иллюстрации близорукости немцев, чем фантастически превратное представление Гитлера и его советников о том, что происходит в голове среднего англичанина. С того момента, как немцы решили напасть на Польшу, до дня подписания перемирия в Реймсе они постоянно ошибались в расчетах.

Директивы Гитлера, датированные концом лета 1940 года, продемонстрировали, насколько велика была его уверенность в скорой капитуляции Англии. Во-первых, Гитлер отдал приказ о проведении грандиозного парада в Париже; затем демобилизовал всех солдат – участников Первой мировой войны, чтобы они занялись сельским хозяйством и другими мирными делами. Потом был издан приказ о демобилизации пятидесяти немецких дивизий с целью возвращения солдат к гражданской жизни; в конце концов было запланировано значительное уменьшение производства вооружения. Если связать эти события с отношением фюрера к Англии и скептическим отношением Генерального штаба к возможности военного вторжения, неудивительно, что никого не поразила следующий приказ, прибывший из Берлина 12 октября 1940 года:

*«Ставка фюрера
12 октября 1940 года*

1. Фюрер принял решение о том, чтобы подготовка к высадке десанта в Англии с настоящего времени и до весны продолжалась только как средство военного и политического давления на Англию.

Если весной или в начале лета 1941 года вновь возникнет необходимость в реальной боевой готовности к десантной операции, соответствующий приказ поступит заблаговременно. До того времени будет совершенствоваться план операции.

2. Все меры, касающиеся ослабления боеготовности, должны регулироваться со следующих точек зрения:

а) Необходимо поддерживать у англичан впечатление, что мы продолжаем крупномасштабную подготовку к высадке десанта.

б) В то же время следует освободить немецкую экономику от бремени...

(Подпись) *Кейтелб*

Начальник штаба ОКВ».

Кроме решения не вторгаться в Англию Гитлер в те дни принял еще одно решение, которому суждено было обречь его на поражение. Согласно свидетельству генерала Варлимонта, с 16 июля 1940 года до 12 октября 1940 года планы вторжения в Англию были гораздо более реальными, чем могло показаться из приведенных в этой главе свидетельств фон Рундштедта и Блюментрита. Но предварительные условия для вторжения так и не были выполнены, поскольку британский военный флот и британские ВВС в середине сентября, когда намечалось вторжение, еще были достаточно сильны. Неспособность люфтваффе разгромить британскую авиацию Гитлер осознал, когда в воздушных налетах на французские прибрежные воды были разбиты суда, готовые к переброске вермахта в Англию. К 21 сентября британские самолеты уничтожили 21 транспорт и 214 барж, что составляло около 12 процентов флота вторжения. Все новые данные об операции «Морской лев» подтверждают сложившееся мнение о том, что, Гитлер всегда прохладно относился к вторжению. Из механизма принятия им прошлых решений видно, что, если бы он действительно был настроен твердо, никакие сомнения и возражения генералов и адмиралов не смогли бы заставить его отказаться от вторжения. На совещании, созванном генералом Йодлем в конце лета 1940 года, Гитлер заявил, что намеревается вторгнуться в СССР. Так на пике своей величайшей победы фюрер вымостил дорогу к своему величайшему поражению.

А что происходило с Генеральным штабом в те триумфальные дни? Гитлер не пожалел для генералов почестей. 19 июля в своей речи перед рейхстагом он осыпал высших офицеров такими похвалами, что они почувствовали себя польщенными и благодарными. Одновременно пропагандистская машина Геббельса «открыла шлюзы» и на немецкое общество вылились потоки высокопарных слов о «Гитлере – полководце». В голове среднего немца сложился образ непобедимой группы тевтонских военных гениев, над которыми парит сверхгений – Адольф Гитлер. Генералы, уstraшенные почестями и пропагандой, смиренно склонили головы перед верховным главнокомандующим. Их воля, их независимость, их сопротивление были сломлены. Вот что говорит по этому поводу генерал Варлимонт:

«Оглядываясь назад, я даже сейчас с трудом верю в то, что успех французской кампании и награды покончили с оппозицией высокопоставленных офицеров Генерального штаба. Безусловно, Гитлер прекрасно сознавал это, когда принял решение напасть на Советский Союз. Впервые главнокомандующего армией и Генеральный штаб свели на роль простых исполнителей воли Гитлера. Они стерпели это, и так началось их окончательное падение. Чем дольше длилась война, чем хуже складывалась ситуация на фронтах, тем больше деградировала военная стратегия и постепенно размывалась структура верховного командования. В Генеральном штабе, оказавшемся беспомощным перед переменами и не имевшем лидера, прежняя единодушная оппозиция уступила место враждебным и подозревающим друг друга группировкам. Однако партия продолжала укреплять свою власть в вермахте, но в конце концов бросила его, предоставив страшной судьбе».

Так закончился первый год войны. Он подарил немецкому народу три славные победы: Польшу, Норвегию и Францию. Но он же преподнес ему три поражения, в то время далеко не столь очевидные, но гораздо более важные: Дюнкерк, несостоявшееся вторжение в Англию и решение напасть на СССР.

Часть третья ОШИБКИ

Глава 9 ПЕРВЫЕ ОШИБКИ – ГИБРАЛТАР И КРИТ

К концу Второй мировой войны у населения разбомбленных, выгоревших немецких городов появилась привычка обмениваться едкими шуточками по поводу своего незавидного положения. Одной из самых популярных была история о невежественном немецком крестьянине, которому преподали первый в его жизни урок географии. Стоя перед большой картой мира, учитель указывал положение и очертания разных стран.

– Эти большие розовые области, – сказал учитель, обводя Соединенное королевство, Канаду, Индию, Австралию и другие части империи, – принадлежат Англии.

– Да-да, – кивнул крестьянин. – Англии.

– А эта большая территория, – сказал учитель, указывая на Соединенные Штаты, – Америка.

– Америка, – задумчиво повторил фермер. – Да-да, Америка.

– А эта огромная территория на востоке, – продолжал учитель, обводя указкой бескрайние просторы Советского Союза, – СССР.

– Хм, – пробормотал крестьянин. – Понимаю. СССР.

– А вот здесь в центре, – продолжал учитель, тыча указкой в Европу, – вот этот маленький кусочек земли в центре – это Германия.

Крестьянин помолчал с минуту, обдумывая новую информацию. Затем, словно желая закрепить полученные знания, подошел к карте и, указывая на эти страны по очереди, повторил то, что ему рассказали:

– Англия... Америка... СССР... а вот этот маленький кусочек земли в центре – Германия.

– Верно, – согласился учитель.

Еще с минуту крестьянин сосредоточенно разглядывал карту, затем в изумлении установился на учителя:

– Кто-нибудь рассказал об этом фюреру?

Хотя в 1945 году эта история была весьма актуальна, в конце 1940 года она не имела бы никакого смысла. Ибо в то время Третий рейх господствовал над всей Европой и частью Азии, завоевав Францию, Нидерланды, Польшу, Австрию и Чехословакию, имея в союзниках страны, подписавшие Трехсторонний пакт: Италию, Японию, Венгрию и Румынию, а также заручившись поддержкой так называемых нейтральных стран: Финляндии и Испании. Официально сопротивлялась этой сплоченной компании лишь Британская империя, представленная на тот момент маленькой, необученной, плохо вооруженной и сосредоточенной на южном побережье Англии армией. Какой-нибудь несведущий английский крестьянин, глядя на карту, вполне мог бы задать вопрос: «Кто-нибудь рассказал об этом Черчиллю?»

Пока на пике своей славы немцы пировали в Париже, маршировали в Осло и танцевали в Вене, человек, который добился всего этого, трудился над разрушением результатов своих трудов. И некому было предостеречь его, сдержать или посоветовать. Германский Генеральный штаб, расслабленный военными победами и подавленный внутренними распрями, готов был следовать за фюрером куда угодно. Вцепившись в стремительно взлетающую ракету, там волей-неволей цепко держались за нее, пока она не упала на землю.

Первые победы – политические и военные – были одержаны главным образом благодаря интуиции Гитлера. Австрия, Чехословакия, Польша, Норвегия, Франция стали подтверждением верности личной политики и философии фюрера, убедили немецкий народ и его лидеров в непогрешимости Адольфа Гитлера. Более того, в этом уверился сам Адольф. Лишив себя права на возражения из-за слепой веры в одного человека, немецкий народ отныне лишь наблюдал со стороны, как этот человек совершает ошибку за ошибкой... пока неизбежная победа не обратилась в неизбежное поражение.

Ошибкой номер один, как мы уже видели, был несостоявшийся разгром англичан под Дюнкерком, и это было личным решением Гитлера. Ошибка номер два – отказ от вторжения в Англию. Эта ошибка была совершена потому, что немецкие штабисты и разведчики неправильно оценили боеспособность английской армии, а Гитлер проявил политическую близорукость: недооценил характер и решительность британцев. И это было лишь начало. С сентября 1940 года по сентябрь 1943 года предстояло совершить еще множество серьезных ошибок.

Отказавшись от незамедлительного вторжения в Англию, фюрер стал искать альтернативный план удушения империи. Уже убежденный в необходимости войны с Советским Союзом, он еще раздумывал, не мудрее ли отложить нападение на СССР до тех пор, пока не поставит Англию на колени. Главным сторонником идеи сначала расправиться с Англией, а потом двинуться на восток был рейхсмаршал Герман Геринг. В начале сентября 1940 года Риббентроп обсуждал возможности вступления в войну Испании с испанским министром иностранных дел Серрано Суньером. Как следует из протоколов беседы Риббентропа и Муссолини, испанцы в тот период хотели завоевать Гибралтар; для уверенности в победе Германия пообещала обеспечить Франко специальным оружием и войсками.

12 ноября 1940 года Гитлер отдал командующим сухопутными силами, флотом и авиацией приказ, в котором указывал, что «сложилась политическая ситуация, требующая досрочного вступления Испании в войну (операция «Феликс»). Гибралтар будет захвачен, и британцы не смогут закрепиться на Иберийском полуострове и Атлантических островах». Предписывалось послать офицеров в гражданской одежде на разведку окрестностей Гибралтара и подготовку захвата аэродромов. Гитлер уверил своих командующих в том, что «испанцы, сохраняя секретность», помогут предотвратить прорыв британцев из Гибралтара и улучшение их позиций. Испанцы должны были также оказать помощь в сохранении секретности немецких планов.

Всю зиму 1940 года Геринг настаивал на одобрении своего плана лишить Британию доступа к Средиземному морю. Однако его замысел был более амбициозным, чем переброска нескольких соединений на помощь Франко в захвате Гибралтара. На самом деле рейхсмаршал предусмотрел концентрированные удары по восточному и западному входам в Средиземное море. В этом масштабном наступлении предстояло задействовать три группы армий. Первая под командованием фельдмаршала фон Рундштедта должна была пересечь Испанию, захватить Гибралтар, войти в Марокко и далее наступать по африканскому побережью на Тунис. Вторая группа армий под командованием фельдмаршала фон Бока должна была пройти через Италию в Триполитанию. Третья группа армий под командованием фельдмаршала Листа должна была пройти через Грецию и Балканы, захватить Дарданеллы и Анкару, а затем продолжить движение к Суэцкому каналу.

«Успешно завершив окружение, – объяснял Геринг, – можно будет предоставить Британии право возобновить мирное судоходство по Средиземному морю, но лишь в том случае, если она договорится с Германией и присоединится к нам в войне против СССР».

В части продвижения через Испанию план Геринга был практически выполнен. В Пиренеях собрали пятнадцать пехотных и бронетанковых дивизий, и 600 88-миллиметровых орудий должны были интенсивно бомбардировать Гибралтар. Вдобавок, если сопро-

тивление будет ожесточеннее, чем ожидалось, на Гибралтар предстояло сбросить парашютно-десантную дивизию, чтобы уничтожить батареи и укрепления Гибралтара.

«Атака на Гибралтар всесторонне подготовлена, – восторженно разглагольствовал Геринг, – и она не может захлебнуться. Затем мы пробились бы к Касабланке и Дакару, разгромили бы американские войска в Северной Африке. Самолеты и подводные лодки с этих баз нападали бы на американские конвои; заперев Средиземноморье, мы могли бы пробиться через Триполи к Суэцу, тогда всему итальянскому побережью уже ничто бы не угрожало».

К концу 1940 года Гитлер так и не принял решение, что важнее: уничтожение Британии или война с СССР; то, что с Советским Союзом придется иметь дело, это он уже давно решил. Однако Гитлер сомневался, можно ли вести войну на востоке, не сломив сперва Англию. Он стал подозревать СССР в намерении напасть на Германию еще во время визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 года. По словам Геринга, тогда советский министр иностранных дел сообщил об интересах Советского Союза в Дарданеллах и возможности нападения на Румынию из Бессарабии. Фюрер также заподозрил, что если, оставшись в одиночестве, Британия до сих пор не капитулировала, то она надеется заключить секретные соглашения с СССР. Следовательно, как заявил Гитлер Герингу, необходимо нанести неожиданный упреждающий удар в спину Советам.

Эти достигшие апогея опасения нашли отражение в декабрьской директиве 1940 года. Командующие немецкими вооруженными силами получили приказ провести подготовку к молниеносной войне против СССР до падения Англии. Таким образом, в начале 1941 года вермахт планировал две грандиозные военные операции: Геринг – против британской линии обороны в Средиземноморье, а Гитлер – против Советского Союза. Как отметил Геринг, окончательное решение о том, какая из этих операций станет первой, было принято лишь в марте 1941 года. Именно тогда ситуация серьезно обострилась. Самостоятельное вторжение Италии в Грецию обеспокоило немецкое верховное командование, тем более что авторитет союзницы Германии по «Оси» был сильно подорван ожесточенным сопротивлением греков. Британские дивизии, направленные из Африки в Грецию с целью вытеснения итальянцев обратно к Адриатике, оказались в опасной близости от Балкан.

Последней соломинкой стало свержение югославского регента принца Павла 27 марта, через два дня после того, как он подписал трехсторонний договор. Это убедило Гитлера в том, что Москва поощряет югославское сопротивление странам «Оси», а присутствие британских войск в Греции, казалось, подтверждало подозрения насчет секретных англо-советских соглашений.

Затем Гитлер пришел к выводу, что не может больше тянуть с решением советского вопроса. Пришло время отказаться от запланированного Герингом решающего удара по английским позициям и все усилия сосредоточить на грядущей войне на Востоке. Вторжение в Югославию и Грецию 6 апреля должно было расчистить плацдарм для военных действий против СССР. История убедительно продемонстрировала, каким катастрофическим было это решение для Германии. Задним числом, когда все уже было кончено, фельдмаршал Вильгельм Кейтель согласился с приговором истории:

«Вместо нападения на СССР мы должны были удушить Британскую империю, перекрыв Средиземноморье; первым делом следовало захватить Гибралтар. Это еще одна упущенная нами благоприятнейшая возможность».

И это была потерянная возможность или ошибка номер три.

Разгром Греции и Югославии оставил у немцев неприятный осадок. Большей части британских войск удалось бежать с материка, и они засели к югу от Пелопоннеса на острове Крите. По мнению Гитлера, эту потенциальную базу будущих британских военных действий на Балканах необходимо было уничтожить до вторжения в Советский Союз. Поначалу фюрер считал невозможным захват Крита атакой с воздуха, однако генерал-полковник

Курт Штудент, командующий немецкими парашютно-десантными войсками, в конце концов переубедил его. Как ни странно, эту победу на Крите, интенсивно изучавшуюся стратегиями союзников как идеальный образец воздушно-десантной операции, сами немцы считали своей первой серьезной неудачей.

Генерал-полковник Штудент, бледнолицый, высоколобый, с пронзительным голосом, скорее был похож на преуспевающего администратора, чем на бесстрашного командира отважных парашютистов. Успешное применение парашютно-десантных войск в Голландии и прорыв линии Мажино в Эбен-Эмаэле сблизили Штудента с восхищавшимся его подвигами фюрером. Взлетом своей карьеры он безусловно был обязан личной преданности и близким отношениям с Гитлером; по мнению многих офицеров немецкого Генерального штаба, он был не столько талантлив, сколько обладал широкими партийными связями. Как говорил генерал Ойген Мейндль, который вел планеры на Крит: «У Штудента было полно идей, но ни малейшего представления о том, как их претворять в жизнь».

20 мая воинское соединение, состоявшее из воздушно-десантной дивизии (горноегерской, в срочном порядке преобразованной в воздушно-десантную) и планерной части, начало атаку на Крит. Первый день операции прошел очень плохо. Военная разведка снова ошиблась в оценке сил противника и не сообщила разработчикам плана о наличии у защитников Крита двадцати пяти танков. Поэтому у десантников не было противотанкового оружия, и первая волна парашютистов была разбита. К тому же планеры приземлились между первой и второй линиями обороны, а не за ними, как планировалось; подкрепления, отправленные морем из Греции, были атакованы британским флотом и понесли серьезные потери. Однако немцам удалось захватить аэродром Малеме и после жестокого десятидневного боя заставить англичан, новозеландцев и австралийцев эвакуироваться с острова.

Штудент признал: «Фюрер был очень недоволен ходом операции. Наши потери на Крите для того периода были слишком высоки. До тех пор нам везло: вся французская кампания не стоила нам столько человеческих жизней, сколько единственная битва в 1870 году. То же самое можно сказать и о Балканской кампании, за исключением Крита. Только на Крите из 20 тысяч участников операции мы потеряли 4 тысячи убитыми и пропавшими без вести».

В сравнении с будущими ошибками и потерями, битва за Крит не показалась бы немцам такой удручающей, однако она повлекла за собой два очень важных последствия. Во-первых, по плану события на Крите не должны были занять более трех дней, но, поскольку на преодоление упорного сопротивления британцев потребовалось десять дней, наступление на Россию пришлось отложить еще на одну неделю. Из-за ранней русской зимы 1941 года эта отсрочка лишила немцев хорошей погоды, когда они более всего в ней нуждались.

Второе и более серьезное последствие битвы за Крит: Гитлер стал суперосторожным и недоверчивым во всем, что касалось будущих воздушно-десантных операций вермахта. У Штудента было еще несколько планов военных действий в Средиземноморье. «После Крита я предлагал атаковать Кипр с целью создания плацдарма для воздушной атаки и парашютного десанта на Суэцкий канал, – заявил он. – Однако Гитлер отверг мой план из-за потерь, понесенных нами на Крите».

Штудент спланировал и еще одну воздушно-десантную операцию – высадку десанта на Мальту в сентябре 1942 года. Фюрер поначалу одобрил операцию, и ее план был детально разработан. В нападении предполагалось задействовать две немецкие воздушно-десантные дивизии, итальянскую воздушно-десантную и итальянскую парашютно-десантную дивизии – всего около 40 тысяч человек. После захвата парашютистами плацдарма на остров должен был высадиться морской десант. «В июле я вылетел в Берлин для последнего совещания, – сказал Штудент на допросе в разведотделе военного министерства в ноябре 1945 года. – Когда я явился к фюреру, он с ходу отверг операцию. Ничего не выйдет, а потери будут

слишком серьезными, сказал он. У меня также сложилось впечатление, что он совершенно не доверял итальянцам».

Трудно сказать, разумным ли было бы нападение на Кипр или Мальту в те первые годы войны. Если бы Гитлер уже тогда был готов бросать в пекло свои войска с такой же безудержностью, как в последующих сражениях в Советском Союзе и Франции, возможно, ему повезло бы. Захват Мальты, Крита и Кипра к 1942 году серьезно повлиял бы на военные действия британцев в Северной Африке, без сомнения, отсрочил бы окончательный разгром Италии. Вероятно, хотя и не очевидно, были бы достигнуты результаты, которых ожидали от крупномасштабных налетов люфтваффе Геринга на Средиземноморье. Решение отказаться от дальнейших воздушно-десантных операций в Средиземном море из-за уроков Крита, хотя не столь жизненно важное, как другие, тем не менее можно считать ошибкой номер четыре. И привели к этой ошибке плохая работа разведки, плохое руководство операциями и плохое чутье.

Глава 10

ВЕЛИЧАЙШАЯ ОШИБКА – СССР

18 декабря 1940 года руководителям различных немецких ведомств были разосланы девять копий секретной директивы, подписанной Гитлером и завизированной Кейтелем и Йодлем.

Начинался документ так:

«Немецкие вооруженные силы должны быть готовы сокрушить Советскую Россию в ходе молниеносной кампании еще до окончания войны против Англии (план «Барбаросса»).

Армия должна использовать все имеющиеся в ее распоряжении формирования, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от неожиданных атак.

Для этой восточной кампании в поддержку сухопутной армии военно-воздушный флот должен высвободить силы, достаточные для быстрого завершения наземных операций и сведения к минимуму ущерба восточным немецким территориям. Концентрация главных усилий на востоке ограничивается следующими условиями: все оккупированные нами территории должны быть удовлетворительно защищены от налетов вражеской авиации, а налеты на Англию и их материальное обеспечение ни в коем случае не должны прерываться.

В период восточной кампании военно-морской флот по-прежнему ведет основные боевые действия против Англии.

Если возникнет необходимость, я отдам приказ сосредоточить войска для боевых действий против Советской России за восемь недель до предполагаемого начала операции.

Приготовления, требующие определенного времени, должны начаться немедленно (если еще не начаты) и завершиться к 15 мая 1941 года.

Необходимо предпринять величайшие меры предосторожности к тому, чтобы наши намерения не были распознаны...»

Это была ошибка номер пять – величайшая из всех.

На самом деле планирование нападения на СССР началось за много месяцев до издания этой директивы. На Нюрнбергском процессе фельдмаршал фон Паулюс засвидетельствовал, что ему сообщили о предполагаемом вторжении еще 3 сентября 1940 года, когда он был начальником оперативного управления Генерального штаба. Генерал-полковник Франц Гальдер, в то время начальник Генштаба сухопутных сил, вручил фон Паулюсу для изучения уже готовый план. Задействованные силы исчислялись 130 – 140 дивизиями, и в качестве плацдарма намечалась территория Румынии.

По словам фон Паулюса, ставились следующие цели: «во-первых, уничтожение русской армии на западных границах Советского Союза; во-вторых, вторжение в СССР на такую глубину, чтобы советская авиация не могла совершать воздушные налеты на рейх; в-третьих, выход на рубеж Архангельск – Волга».

Эти цели остались без изменения в директиве от 18 декабря 1940 года. 3 февраля 1941 года Гитлер окончательно одобрил план «Барбаросса», однако не назначил определенной даты нападения. 28 марта, услышав о восстании в Югославии, фюрер сообщил фон Паулюсу о своем намерении вторгнуться в Югославию. «Необходимо было обезопасить наш фланг для военных действий против Греции, – сказал фон Паулюс, – захватить железную дорогу Белград – Ниш и, самое главное, освободить наш правый фланг для нападения на СССР».

Предварительно дата вторжения в Советский Союз была назначена на середину мая, как самое раннее возможное время, учитывая метеоусловия, необходимые для широкомасштабных военных действий в СССР. Однако 1 апреля фон Паулюсу объявили, что эта дата отодвигается примерно на пять недель до второй половины июня. Пока расчищались Балканы, в Норвегии и на побережье Франции в целях маскировки готовившейся восточной кампании проводились мероприятия, создающие впечатление подготовки к вторжению в Англию.

6 июня 1941 года окончательно была назначена дата – 22 июня. Согласно этому приказу, подписанному Кейтелем, 6 из 42 дивизий, противостоявших Англии, отводились с запада на восток. Для первой фазы вторжения в Россию к 22 июня была сконцентрирована 121 дивизия, в том числе 29 бронетанковых и моторизованных.

Очень скоро количество дивизий на Восточном фронте выросло почти до двухсот.

В рамках этой книги у нас нет возможности дать исчерпывающий отчет об этой кампании, но, поскольку поражение на востоке стало прелюдией к окончательному разгрому, необходимо проанализировать его причины, уже знакомые нам по разбору первых ошибок. Правда, теперь размах событий был гораздо значительнее, военная разведка работала хуже, Гитлер вел себя деспотичнее, а генералы были более беспомощными.

Очень многие высшие немецкие офицеры признают, что их безнадежно плохо информировали о численности и боеспособности советских войск, с которыми предстояло сражаться. «Информация, касающаяся России, была весьма скудной, – заявил генерал-полковник Франц Гальдер, начальник штаба фон Браухича, отвечавший за большинство деталей плана кампании. – В нашем распоряжении были захваченные архивы Голландии, Бельгии, Греции, Югославии и даже французского Генерального штаба, но ни одна из этих стран не была информирована о Советском Союзе лучше нас. Сведения о войсках, с которыми нам предстояло столкнуться на границе, были довольно верны, однако мы не располагали никакими статистическими данными относительно будущих возможностей этой огромной страны. Разумеется, в первые шесть месяцев нашего наступления мы выяснили гораздо больше».

Насколько плохо были информированы немцы, прекрасно иллюстрируется следующими выдержками из разведдонесения 22-й пехотной дивизии при ее подготовке к вторжению в СССР 8 июня 1941 года, за две недели до вторжения. Для того чтобы подчеркнуть неадекватность этих сведений, сравним комментарии сражавшихся в Советском Союзе немецких генералов с соответствующими фрагментами.

Вот что говорилось в разведдонесении о советских бронетанковых войсках:

«Опыт боевых действий в Финляндии показал, что советские танковые экипажи атакуют энергично. Боевая подготовка, особенно взаимодействие с другими родами войск, недостаточны. Техническое состояние танков совершенно неудовлетворительно. Особо сложную проблему представляют многочисленные аварии, поскольку ремонтировать танки практически некому.

В 1939 – 1940 годах выявленные недостатки организации и подготовки позволили сделать следующее заключение: Красная армия в ее нынешнем состоянии не соответствует современным требованиям и неспособна противостоять скоростному, современному, умело руководимому противнику. Во время крупных маневров не уделялось внимания тренировке отдельных солдат и малых формирований...»

Теперь сравним это донесение с мнением генерал-полковника Дитриха, который вел в наступление 6-ю танковую армию СС в Арденнах в декабре 1944 года. Вот что сказал о советских танковых войсках Дитрих после опыта командования 1-й танковой дивизией СС в битве за Ростов – попытке освободить окруженные под Сталинградом армии и взять обратно Харьков:

«Русские попросту одурачили нас в Финляндии. Нападая на СССР, мы думали, что у них нет танков, и вдруг столкнулись с двумя тысячами «Т-34». «Т-34» был в то время лучшей из существовавших боевых машин. Он имел отличное вооружение, прочную броню, обладал высокой скоростью. Русские ловко их использовали и содержали в отличном состоянии. Способности русских механиков удивительны...»

Затем в донесении обсуждаются качества командиров Красной армии:

«После казни Тухачевского и летней чистки 1937 года осталось совсем мало опытных командующих, к которым, несомненно, принадлежит народный комиссар обороны Тимошенко. Молодое неопытное пополнение не сможет освободиться от слепого следования военной доктрине и будет испытывать затруднения в выполнении дерзких решений...»

Нет необходимости указывать немецким генералам, какой неверной оказалась эта оценка. Достаточно лишь перечислить имена: Жуков, Конев, Рокоссовский, Черняховский, Малиновский, Толбухин – вот лишь некоторые из «неопытных» командиров, сумевших «освободиться от слепого следования военной доктрине» и не затруднявшихся в «выполнении дерзких решений».

Далее в донесении следует:

«Войсковые командиры вплоть до лейтенантов проявляют потрясающую нерешительность. Они необычайно молоды: 35 – 40-летние полковники командуют дивизиями, 30 – 35-летние майоры командуют полками. Командиры рот – всего лишь лейтенанты или младшие лейтенанты. Им не хватает ни опыта, ни инициативы...»

Как быстро эти неопытные командиры обучались военному искусству, видно из следующего заявления генерала Альфреда Шлемма, командовавшего корпусом в битвах за Смоленск и Витебск, а позже – 1-й парашютно-десантной армией на западе:

«Умение советских командиров маневрировать крупными танковыми соединениями оказалось для нас сюрпризом. Их операции были хорошо спланированы и квалифицированно выполнены; они не боялись импровизировать и экспериментировать...»

Только в отношении красноармейцев разведдонесение приближалось к правде:

«Рядовые солдаты упорны, неприхотливы, отважны, сильны духом. Это больше не «храбрый мужик», известный по мировой войне. Его интеллект и способность к обучению возросли. Современная подготовка может со временем сделать из него независимого бойца и позволит ему овладеть сложным оружием...»

Если кто-то до сих пор ищет причину провала немцев в СССР, эта всеобъемлющая оценка противника, с которым предстояло встретиться через две недели, поможет найти ее. Разве возможно не увериться в победе над противником, обладающим столькими слабостями, как в этом разведдонесении?

«Постепенного усовершенствования Красной армии можно ожидать не ранее, чем через несколько лет. Крупные армейские соединения в провинциях прогрессируют очень медленно. Русские национальные характеристики – лень, медлительность, неповоротливость, нерешительность, боязнь ответственности – не изменились. Командиры всех рангов

не смогут в ближайшее время компетентно командовать крупными соединениями, они не готовы к крупномасштабным наступлениям, не умеют быстро принимать решения и неспособны к независимым действиям в рамках общей операции.

Войска, как целое, благодаря своему количеству и наличию современного оружия, будут сражаться храбро, но они не соответствуют требованиям современной наступательной войны. Им часто будет не хватать инициативы отдельного бойца...

Слабость Красной армии – в неповоротливости ее командиров всех рангов и в их нежелании принимать на себя ответственность, в доктринерстве, в несоответствии подготовки современным требованиям, в значительной и повсеместной неорганизованности...»

Встречались ли вы с большей чушью? Немецкая военная разведка должна была сделать важнейшую оценку врага и не выдала ничего лучшего, чем пропагандистская трескотня доктора Геббельса. Вряд ли теперь стоит удивляться тому, что Гитлер бросился в «русское приключение» с легким сердцем и с оптимистическим ожиданием быстрой и необременительной победы. Правда, не все немецкие генералы были настроены так же оптимистично, как фюрер. Их преследовал постоянный страх новой катастрофической войны на два фронта, им не хотелось впутываться в восточную кампанию, пока не прояснится ситуация на западе. Фон Браухич, Гальдер и фон Рундштедт не выказывали энтузиазма, но не по нравственным причинам, а просто потому, что видели проблемы чисто военного характера. Они не думали, что не смогут победить Россию; они думали, что это будет не так легко, как это кажется Гитлеру. Фон Рундштедта более всего волновало своевременное начало кампании, поскольку он сознавал, какие проблемы может вызвать русская зима.

«Я был отозван с должности командующего армиями запада в начале апреля 1941 года и назначен командующим армейской группировкой «Юг» в России, – сказал фон Рундштедт. – Задействованные в наступлении войска начали передислоцироваться на восток задолго до этой даты. Планы кампании готовились зимой в Берлине Гальдером. В январе Гальдер приезжал ко мне во Францию. Поскольку моей группе армий предстояло участвовать в наступлении, некоторые офицеры моего штаба тренировались на базе плана Гальдера. Я тогда сказал им: «Господа, если вы собираетесь вести военные действия в СССР, то должны помнить, что благоприятная погода заканчивается там очень рано. Когда приходит зима, возникают огромные трудности. Необходимо начать войну с Советским Союзом, как только просохнет почва, что обычно случается в мае». Из-за балканской кампании мы начали по меньшей мере на четыре недели позже запланированного срока. Эта отсрочка очень дорого нам обошлась. Я никогда не испытывал энтузиазма по поводу этой кампании; во всяком случае, после того, как понял, что с русскими можно договориться. Однако Гитлер был убежден в том, что, если мы не нанесем удар первыми, русские сделают это сами».

Генерал Блюментрит, которого в ноябре 1940 года послали в Варшаву начальником штаба 4-й армии, подтвердил прохладное отношение фон Рундштедта к грядущему наступлению, а также объяснил, почему немцы в то время подозревали СССР в агрессивных намерениях:

«Когда я впервые прибыл на восток, наши дивизии стояли узкой полосой вдоль советской границы секторами от 80 до 100 километров. Тогда наступательные операции не казались возможными, однако скоро стали поступать донесения о колоссальном сосредоточении советских войск в южном секторе. Слухи о войне усилились зимой 1940/41 года. Литовский полковник, внедренный адмиралом Канарисом в часть Красной армии под Ригой, а на самом деле старший офицер разведки вермахта, подтверждал слухи о наращивании советской боевой мощи. Поэтому никто не удивился, когда в январе 1941 года в наш штаб пришла директива о планируемых военных действиях против СССР».

Первоначальный план этой кампании базировался на молниеносном броске в глубь страны с последующими широкими окружениями основной части советских армий запад-

нее Днепра. «Мне сообщили, что война в СССР закончится через десять недель, то есть задолго до наступления зимы, – сказал фон Рундштедт. – Эта оценка основывалась на мнении фюрера. Он считал, что к тому времени, как мы достигнем Днепра, все противостоящие нам советские войска уже будут уничтожены и после первых же крупных поражений СССР капитулирует».

Очевидно, Гитлер читал разведдонесения слишком тщательно, но советские военные не были такими некомпетентными, неповоротливыми и медлительными, как ему внушали. Самая сильная немецкая группа армий под командованием фельдмаршала фон Бока за три с половиной недели прошла по шоссе Минск – Москва более 450 миль⁸ от Белостока до окраин Смоленска. Однако, овладев значительной территорией, она не достигла своей главной цели: не уничтожила советские армии. Трижды фон Бок пытался окружить их в Слониме, Минске и Смоленске, но трижды они выскальзывали из капкана. Уже к 16 июля немцы поняли, что война не будет увеселительной прогулкой, как они себе представляли. Местность изобиловала грязными дорогами, узкими мостами, лесами и болотами. Из-за проливных дождей дороги стали непроходимыми, а советские войска, придя в себя, сопротивлялись все упорнее. В Смоленске на Днепре, в 200 милях к западу от Москвы, немецкие войска натолкнулись на первую серьезную преграду. Только 7 августа 1941 года после трех недель ожесточенных боев ценой огромных и неожиданных потерь немцам удалось взять Смоленск.

Южная группа армий фон Рундштедта не разделила ошеломляющего успеха своего северного соседа. К первой неделе августа она добралась лишь до Житомира, расположенного более чем в 80 милях к западу от Киева и Днепра. Не сумев пробиться прямо на восток, фон Рундштедт развернул большое формирование на юго-восток, где сопротивление было гораздо слабее. Здесь после убедительной победы под Уманью немцы вырвались в долину Днепра, к концу августа захватили индустриальный район Днепропетровска и осадили Одессу. Однако, несмотря на эти безусловные успехи, немцам не удалось сломить сопротивление противника. После десяти недель боевых действий все еще значительные силы Красной армии сражались по всему фронту: к западу от Ленинграда, к востоку от Смоленска и к западу от Киева. Только теперь фон Рундштедт начал сознать, как сильно недооценили русских.

«Вскоре после начала наступления я понял, что все написанное о Советском Союзе – чушь, – сказал фельдмаршал. – Все наши карты были неправильными. Дороги, отмеченные на картах как шоссе, оказывались проселками, а там, где были показаны проселки, мы находили первоклассные дороги. Даже железных дорог, которыми мы должны были пользоваться, просто не существовало. Или там, где на карте ничего не было, мы наталкивались на городок американского типа с фабричными зданиями и всем прочим».

Не сумев разгромить советские армии к западу от Днепра, Гитлер решил отложить первоначальный план наступления на Москву и попытаться окружить советские войска западнее Киева. Танки фон Бока направили на юг, а танки фон Рундштедта – на север с целью сомкнуть клещи за Киевом. Маневр был осуществлен блестяще: войска маршала Буденного уничтожены, более 600 тысяч советских солдат взяты в плен. Однако Киев не сдавался до 20 сентября, и до полного разгрома Красной армии было еще далеко.

Несмотря на разрастающиеся трудности обеспечения огромного войска, опередившего свои базы на сотни миль, несмотря на надвигающуюся зиму и тот факт, что советские войска не сдались к западу от Днепра, как планировалось, Гитлер принял решение наступать на Москву. Ко 2 октября не менее шестидесяти дивизий сосредоточились в Смоленске, и началось, по словам Гитлера, «величайшее в истории» победоносное наступление. К 15 октября передовые немецкие части подошли к Можайску и оказались в 65 милях от совет-

⁸ 1 миля = 1,6 км.

ской столицы. А затем вмешалась судьба. Зима наступила по меньшей мере на месяц раньше положенного срока. Сильные снегопады и морозы грянули не в середине ноября, а в середине октября, расстроив все планы немцев, задержанных и измотанных грязью и слякотью. Под Москвой появлялись свежие советские войска. Фон Браухич, как командующий, видел серьезную угрозу войску, не экипированному для ведения военных действий в зимних условиях, поэтому посоветовал немедленно отступить на оборонный рубеж, где войска могли бы спокойно перезимовать на теплых квартирах. Гитлер и слышать об этом не хотел. Поставив на захват Москвы свою репутацию, он требовал, чтобы армия выполнила обещания. 2 декабря была предпринята еще одна атака на город, однако жестокие морозы, длинные ночи, непроходимые леса и упорные защитники Москвы не пропустили войска фон Бока в столицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.